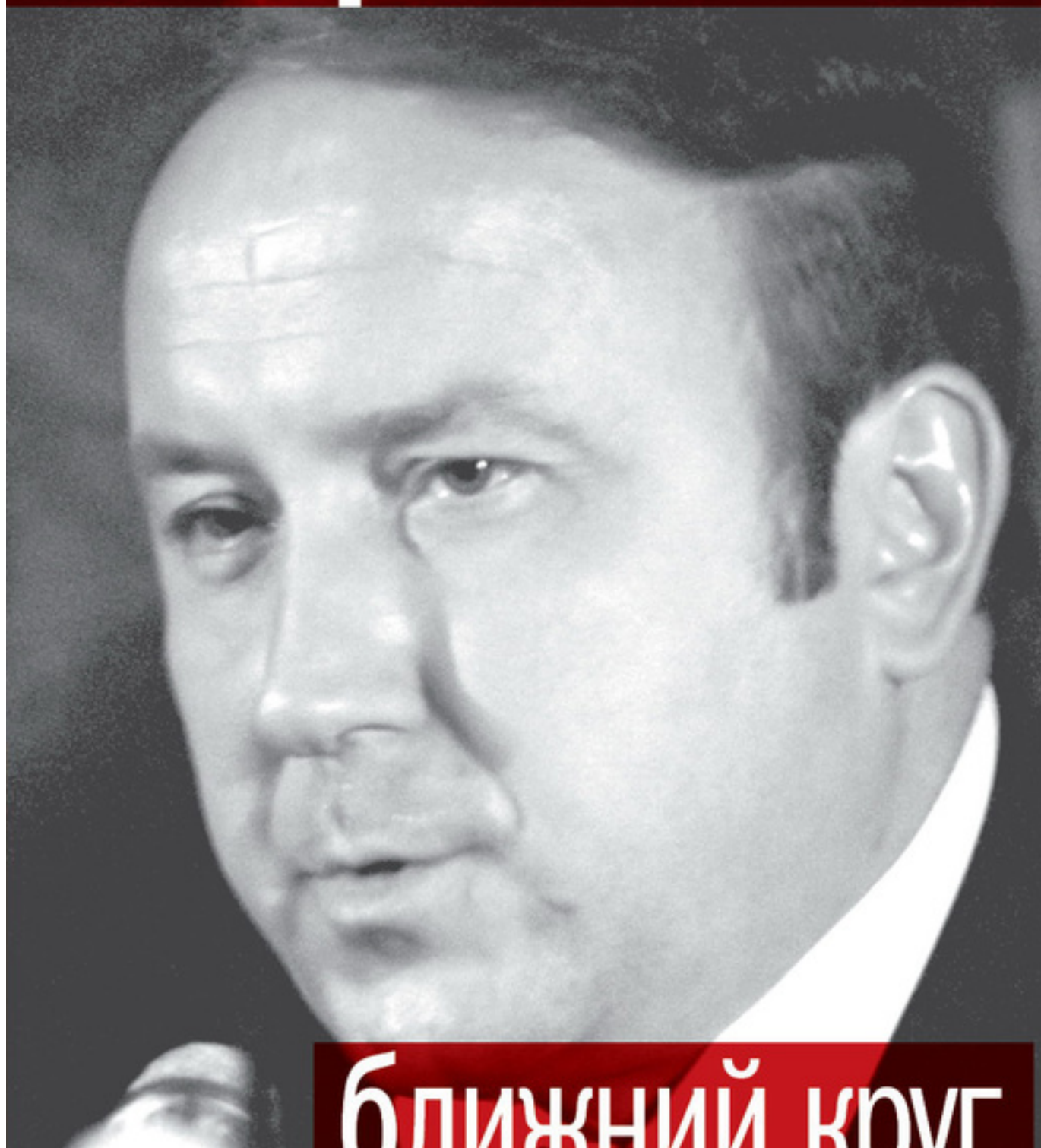

александр

КОРЖАКОВ

близкий круг

Александр Васильевич Коржаков
Ближний круг «царя Бориса»
Серия «Политические тайны XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014088

Александр Коржаков. Ближний круг «царя Бориса»: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0142-1

Аннотация

В 1990-х Александр Васильевич Коржаков был начальником кремлевской охраны (Службы безопасности президента Российской Федерации) при Борисе Николаевиче Ельцине. Александр Коржаков хорошо знал Ельцина и его семью, ближайших сотрудников первого президента России, был свидетелем острых политических эпизодов в жизни страны.

В своей книге А.В. Коржаков откровенно рассказывает о том, как принимались решения в эти переломные моменты, кто и как влиял на политику «царя Бориса», о своеобразной манере Ельцина руководить государством, о его неоднозначном характере.

Свидетельства Александра Коржакова неповторимы и уникальны; они имеют большое значение для всех, кто интересуется политическими тайнами современной истории России.

Содержание

Пролог	4
«Братья седые»	6
Знакомство	17
Первый отпуск	22
Перед пленумом	26
Прощание с КГБ	28
Мешок Монте-Кристо	31
Среди мартовских льдин	34
Путч	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Коржаков

Ближний круг «царя Бориса»

Пролог

Перед тем как отнести в 1997 году рукопись моей книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката» в издательство, я задал сам себе несколько, на мой взгляд, принципиальных вопросов. Возможно, они лучше всяких абстрактных рассуждений помогут постичь мою логику – почему я, проработав одиннадцать лет бок о бок с Борисом Николаевичем Ельциным, отважился написать предельно откровенную книгу о нем, о власти, о кремлевских политиках.

1. Двигало ли мной чувство мести?

Отчасти да, но только в первые дни работы. Чем больше времени я отдавал рукописи, тем сильнее становилась потребность рассказать о событиях так, как они происходили на самом деле. Я просмотрел около десятка мемуаров бывших и нынешних соратников Ельцина. Книги поразили меня совершенством «лакировки» запретных тем.

2. Не опасаясь ли я упреков в предательстве?

Нет. Достойно расстаться с человеком, тем более близким, всегда труднее, чем сойтись. Я готов был к джентльменскому «разводу» – молчать, молчать и еще раз молчать. Но травля в прессе, развязанная «обновленным» окружением президента, угроза физической расправы со мной, доведенная до моего сведения дикая формулировка «семья дала разрешение на арест Коржакова» расставили все точки над «i». Увы, но предал меня и нашу многолетнюю дружбу сам Борис Николаевич.

3. Буду ли я чувствовать вину, если вдруг Ельцин, прочитав книгу, не выдержит правды?

Почти не надеюсь, что ему позволят прочитать эти мемуары. Времена, когда президент действовал самостоятельно, уже прошли. А если думать о возможных негативных последствиях, то переживать стоит лишь по одной причине – плохо, что у нас такая правда, которая сражает наповал.

4. Избежал ли я умышленно каких-то эпизодов, событий?

Да. Я так и не решился написать про ГКЧП-3, созданное по указанию Ельцина весной 96-го, про назначение Дмитрия Якубовского, про финансирование семьи президента...

* * *

С тех пор прошло немало лет. И я понял: надо пересмотреть написанное, сделать новые оценки событий, персонажей книги.

После ее выхода я столкнулся с двумя полярными мнениями: одним книга понравилась, и они ее приняли безоговорочно, другие ее отвергли, посчитав чуть ли не исповедью предателя. Правда, в ходе моих многочисленных встреч за эти годы как по депутатским, общественным делам, так и личным мне все чаще приходилось слышать от тех, кто не принял книгу, что они изменили свое отношение к ней. Это отрадно. Я еще раз убеждаюсь в том, что само время заставляет нас постоянно переосмысливать свои поступки, свою жизнь и нашу историю.

Как-то в перерыве между заседаниями в Государственной думе ко мне подошел один из депутатов, доктор исторических наук, и горячо поблагодарил за книгу: «То, что вы сделали для потомков, для будущих историков, поистине бесценно, потому что прямых свиде-

телей этих событий немного, а искренних – и того меньше». Может быть, эти слова стали последним толчком, побудившим меня вновь взять в руки диктофон и перо.

Я оставил прежним лейтмотив книги. Это история трагического перерождения человека, пришедшего при активной поддержке людей, не знавших и никогда не любивших Россию, к новому для себя жизненному принципу: «après nous le deluge» – «после нас хоть потоп».

Материал книги «Борис Ельцин: от рассвета до заката» основательно переработан, сделан упор на анализ причин многих событий, описанных в ней. Все это позволяет считать настоящее издание, по сути, оригинальным.

Я хотел, чтобы, прочитав эту книгу, каждый ответил себе на такой вопрос: «Какой же все-таки должна быть власть, работающая не на себя, а на свой народ?»

Буду рад, если мне удалось подвигнуть вас к ответу.

Честь имею.

А. Коржаков

«Братья седые»

С детства я мечтал стать летчиком-истребителем. Однажды, в классе седьмом, разговаривая с отцом школьного приятеля – тот был летчиком. Он мне сказал:

– Тебя с твоим ростом в авиацию не возьмут.

Я уже был под метр восемьдесят, а для летчиков-истребителей даже рост на пять сантиметров меньше считался предельным. Вдобавок меня слегка укачивало на качелях. Так что в самолете я, видимо, мог рассчитывать только на пассажирское кресло.

В школе любил читать о чекистах, следователях МУРа, о жестоких преступниках, которых непременно ловили отважные «оперы». Мечта о летчике сменилась более приземленной – я захотел стать чекистом. Туда по крайней мере принимали с любым ростом.

Родители к моим мыслям относились настороженно. Матери казалось, что я выбираю слишком опасные профессии. Отец внешне ее поддерживал, но в душе ему нравились мои желания. Ведь когда он пришел с войны, ему тоже предлагали работу в органах МГБ, но не взяли, так как мой дед Никита по материнской линии был в 1937 году репрессирован и, если верить справке, умер в тюрьме в 1943 году.

После армии Василий Капитонович Коржаков устроился работать на фабрику «Трехгорная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского». Сначала был помощником мастера, а затем мастером цеха и в этой должности проработал всю жизнь. Там, на «Трехгорке», отец познакомился с моей матерью, и они поженились очень быстро. Мать моя, Екатерина Никитична, потом призналась мне, что замуж вышла не по любви – просто ей надоело жить в общежитии, а отцу, как фронтовику, сразу дали комнату в подвале барака. Любовь пришла потом.

В той восьмиметровой комнате я и родился. В углу стояла печка, пол был земляной. Котенок на улицу не ходил, справлял все свои дела прямо на полу и тут же закапывал.

Обстановка была самой простой. Почему-то осталась в памяти железная кровать с блестящими никелированными шарами по углам: она до сих пор валяется разобранной в гараже, в деревне Молоково.

...Когда мне исполнилось лет пять, родители купили тахту. Три подушки, валики – это стало полем битвы с младшим братом. Между этой тахтой и железной кроватью стояла тумбочка – на ней радиола «Рекорд». По тем меркам – современная, красивая вещь, и мы с братом постоянно слушали пластинки. Я больше нигде не видел таких приемников. При включении диск нужно было раскручивать пальцем, а потом он сам вертелся. Вот, собственно, и все, что могли позволить себе отец-фронтовик и мать, передовая ткачиха «Трехгорки».

Брат, Анатолий Коржаков, младше меня на полтора года. А сестра, Надежда, родилась, когда мне было девять лет.

Отец хотел, чтобы в семье росло много детей. Сам он был одиннадцатым у моей бабушки Марии. Деда Капитона, к сожалению, я совсем не знал. Его единственная фотография сохранилась в семейном альбоме – дед в форме унтер-офицера вместе со своим начальником – офицером.

А отец мой родился в Орловской области. Голод погнал его вместе с братьями и сестрами в Москву. Пристроились они в совхозе недалеко от пригородной железнодорожной станции «Тестовская». Потом случилась трагедия: трое братьев отца – один двоюродный и двое родных – попали под поезд. Затем – война.

Мы с братом и играли, и спали вдвоем на тахте, потом на полуторном диванчике до того момента, пока я не ушел в армию.

Когда мне исполнилось семь лет, родители получили новую комнату в коммунальной квартире: на пятом этаже пятиэтажного дома напротив кинотеатра «Красная Пресня». Комната казалась огромной – целых семнадцать квадратных метров. Мы, дети, искренне пола-

гали, что наконец-то попали в рай. Родители тогда приобрели трехстворчатый гардероб и буфет из светлого дерева.

Соседи в коммуналке попались хорошие. Запомнил я бабушку Дусю – у нее в комнате стоял один из первых советских телевизоров – КВН с линзой. Мы просиживали у доброй Дуси часами перед экраном, и она нас никогда не прогоняла. Родителям стало неудобно перед соседкой, и они, накопив денег, тоже купили КВН.

После переезда отец все чаще стал представлять, как было бы замечательно, если бы у нас появилась сестренка. А матери в то время врачи запретили рожать. У нее болели ноги от тяжелой работы. Она и в детстве, и в юности возила из деревни в Москву молоко на продажу. Маленькая девочка таскала огромные бидоны и погубила ноги. После тридцати у матери обострилось варикозное расширение вен. Ей сделали несколько операций, но это кардинально не изменило ситуацию. Прежде всего потому, что нельзя было оставить «стоячую» работу. Мать же работала ткачихой на «Трехгорке», обслуживала двенадцать станков. Максимальная норма! А просила дать еще больше. Другие ткачихи на нее ворчали:

– Ты что, Катя, все деньги хочешь заработать? Оставь другим.

На фабрике шла постоянная борьба за эти станки. Всем хотелось заработать. Мать получала больше отца. Он переживал из-за этого, но не решался уйти с фабрики – все-таки у мастера был твердый оклад.

В 59-м у нас появилась сестра Надежда. Увидев ее после роддома, мы с братом не могли поверить, что дети появляются на свет такими маленькими. Теперь Надюша почти с меня ростом. Мы с Толькой ее нянчили, горшки выносили. В три месяца Надюху отдали в ясли, и мать с фабрики прибегала, чтобы покормить ее. Никто из родителей не мог позволить себе оставить работу – на одну зарплату впятером мы бы жили крайне скудно.

С раннего возраста хоккей для меня стал лучшим видом спорта. Отец в первом классе купил мне коньки. Я на них покатался одну зиму. На следующий год ботинки даже не налезли. Но отец сказал строго:

– Я не хочу работать только на твои коньки, выбирай другой вид спорта.

Сурово, конечно. Но денег действительно не хватало.

У отца появилась возможность получить отдельную квартиру. Фабрика строила дом, и будущие жильцы за скромные деньги должны были работать на этой стройке.

Отец пошел туда разнорабочим, и через год мы переехали в новую двухкомнатную квартиру. Тридцатиметровую. С крохотной, но только нашей кухней, с туалетом, ванной и горячей водой. Мы же еще помнили подвал с одной раковиной на всех жильцов. К ней по утрам тянулась очередь – зубы почистить, умыться. А ведь это был центр Москвы, Рочдельская улица – 150 метров от нынешнего Белого дома.

В квартире на Звенигородской в ванной стояла газовая колонка, и мать беспокоилась, как бы мы с братом ее не сломали или не взорвали. Но я научился зажигать колонку самостоятельно и стал мыться один. До этого мы ходили с отцом и братом в мужскую баню, а когда отец уезжал, то ходили и в женскую. Мать нас водила. Вид голых «купальщиц» меня не шокировал, но я стеснялся.

После восьмого класса я перешел в третью по счету в моей жизни школу, № 84, на Хорошовке. Туда пришлось ездить на троллейбусе, но я не жалел о переходе – в этой школе был прекрасный спортзал, многие учащиеся увлекались спортом и, вообще, жили интересно: устраивали КВН, капустники, походы...

В 1995 году состоялась встреча одноклассников, я на нее попасть не смог, но Ирина, жена и моя одноклассница, ходила на эту встречу. Потом она призналась:

– Ты, Саша, лучше всех выглядишь, уж больно сильно жизнь потрепала и мужичков наших, и девчонок.

С Ириной я познакомился в девятом, когда мы оказались в одном классе. Сначала меня вместе с друзьями записали в параллельный класс, и мы там отучились один день. А после занятий познакомились с ребятами из соседнего класса. Мы все друг другу так понравились, что тут же решили и дружить вместе, и учиться. Нашему переходу способствовала талантливая педагог, наша классная руководительница Марина Владимировна Дукс. Недавно, почти всем классом, мы отпраздновали ее 60-летие.

Нашу мальчишечью компанию прозвали великолепной восьмеркой. Остальными в классе были девчонки. Я до сих пор с улыбкой и теплотой вспоминаю школьные годы.

Однажды с моим приятелем, соседом по парте, Пашей Доманским гоняли в хоккей и отморозили себе уши. Я – левое, а он – правое. Над нами все тогда потешались. С Пашкой мы не раз смешили всю школу. Как-то во время КВНа нам выпало задание – изобразить пантомиму на тему «Первый и последний день любви». Я изображал девушку, а Павел был моим ухажером. Он очень старался, оказывал всяческие знаки внимания, а я жеманился изо всех сил. В конце концов любовь наступила, мы поженились. Вскоре грянул и последний дань любви, когда я к нему с ребенком «пришла», а ему уже некогда, время все расписано для других свиданий. Зрительный зал лежал от смеха. У некоторых от непрерывного хохота очки вспотели. Но первого места нам не досталось. Члены жюри – наши школьные учителя – еле выговорили сквозь смех, что мы с Пашей опошили слово «любовь».

В девятом мы решили поехать на юг всем классом. Для поездки понадобились деньги. В подвале собственной школы отыскивали себе работу. Нам привозили стопки перфорированных – с дырками – карточек, и нужно было их сортировать, а затем перевязывать. Работа примитивная, противная, но все терпели. Четыре дня в неделю возились с карточками и за три месяца заработали рублей по тридцать на каждого. Билет же до Новороссийска стоил 17 рублей, так что дорогу мы уже оправдали. А продукты взяли с собой, в основном крупы и мясные консервы. Я и до сих пор люблю гречку с мясом, поход приучил.

Ирина тоже поехала на юг вместе со всеми. Я тогда девушками особенно не интересовался – увлекался только спортом. А вокруг Ирины постоянно крутились ухажеры. Да и все девчонки к ней хорошо относились. Она училась средне. У нее в аттестате только одна пятерка, остальные – четверки. Но если бы захотела, могла стать отличницей. Легко относилась к учебе. Наташа – моя младшая дочь – очень похожа на маму: вроде учится без усердия, а приносит четверки или пятерки.

В южном портовом городе Новороссийске классная руководительница водила нас, старшеклассников, как гусыня: выстраивала в линию и постоянно пересчитывала – очень боялась кого-нибудь потерять. Жили мы либо в школьных спортзалах, либо в палатках. Спали на голых матрасах без простыней.

Новороссийск – отнюдь не курортный город. Но мы этого не знали, ходили по улицам в шортах и удивлялись, почему прохожие так странно смотрят на нас, особенно на девчонок.

Искупались мы в грязной новороссийской бухте и отправились пешком до Туапсе, вдоль побережья Черного моря. Этот поход длился почти месяц. Назывался: «По следам Таманской армии». Среди нас попались настоящие энтузиасты-следопыты, которые действительно что-то искали. Нашли сохранившийся с времен войны автомат, каску, гильзы от снарядов. Потом мы сдали находки в школьный краеведческий музей. Впечатления от этого первого большого путешествия сохранились у нас на всю оставшуюся жизнь.

Окончив школу, три пары из нашего класса поженились. Одни разошлись через несколько лет после свадьбы, другие – обмениваются ударами, но живут. А мы с Ириной живем дружно, сохраняя добрые отношения, заложенные еще в школе.

После получения аттестата трудно было расставаться с таким славным коллективом. Я надеялся, что закончу школу с медалью, но из-за досадного недоразумения на экзамене по физике – зачем-то стал замысловато решать простую задачу – получил тройку. А на выпуск-

ной вечер не попал из-за волейбола – в этот день встречались молодежные сборные Армении и «Динамо». Я, естественно, играл за «Динамо».

В детстве был эпизод, когда я думал, что со спортом покончено. В деревне Молоково я упал с дерева. Срубал сук для лука и свалился почти с вершины. Падая головой вниз, при приземлении нога вывернулась в обратную сторону. Ребята меня окружили и уставились, как на покойника. А я совершенно серьезно спрашиваю у них:

– Посмотрите, у меня нога не отлетела? Что-то я ее не чувствую.

Положили меня на телегу и повезли к бабке-повитухе в соседнюю деревню. Та меня измучила, но вправила правую коленную чашечку. И посоветовала делать парные санные ванны. Ногу мне парили в корыте. Я просто умирал от боли, пока залезал в корыто. Дня через три поднялась температура, и повезли меня в сельскую больницу. Хирург был под легким хмельком, но это не помешало ему очень удачно наложить гипс на мое, как оказалось, сломанное бедро. В гипс меня закатали по самую шею. На всю жизнь запомнилось чувство неподвижности, я лежал полтора месяца в «панцире». Но еще труднее было преодолеть желание почесаться – под гипсом мое тело просто зудело.

Врач опасался, что сломанная нога станет значительно короче. Меня все пугали хромотой. Но когда сняли гипс, ноги оказались одинаковыми. Я быстро освоил костыли и старался как можно больше двигаться.

Мать навещала меня в больнице почти каждый день. Пешком через лес туда и обратно километров десять получалось. Она была на девятом месяце беременности и с таким животом все равно ходила. А когда родила сестру без осложнений, врачи объяснили это тем, что она много двигалась. Мама после роддома пришла ко мне в больницу с сестренкой и показала ее в окно – маленькую, сморщенную, страшненькую.

После истории с переломом деревенские ребята стали обзывать меня хромым чертом, хромой черепахой. Я действительно хромал – больная нога была тоньше здоровой раза в два, мышцы из-за гипса атрофировались. Но я днями напролет играл в футбол, и форма восстановилась.

В старших классах началась моя волейбольная карьера. К нам на занятия пришли тренеры из заводского клуба «Рассвет». Отобрали нескольких парней, в том числе и меня. И я стал профессионально заниматься волейболом. И, надо признать, успешно. Наша школьная команда неожиданно для всех заняла третье место на городском первенстве. У меня в волейболе особенно хорошо получался блок, и в решающей игре я блокировал, или, как говорят волейболисты, «съел» игрока, который на первенстве Советского Союза среди юношей был признан лучшим нападающим.

В «Рассвете» я играл до конца десятого класса. На первенстве Москвы меня пригласили в ЦСКА. Из заводской команды второй лиги перейти в знаменитое ЦСКА было очень заманчиво. В душе я расценивал этот переход как необходимую «измену» – до сих пор переживаю, что вынужден был сменить клуб.

Руководство «Рассвета» из-за моего перехода устроило шумный скандал, и через некоторое время меня дисквалифицировали. Выступить стало негде – меня же все московские судьи знали.

В соседнем классе учился парень Никита Староверов, который играл за «Динамо». По технике игры он меня превосходил. Парень предложил:

– Давай я с тренером переговорю, может, к нам в «Динамо» придешь.

Я согласился. Тренер посмотрел меня и взял без промедления. У меня был очень высокий прыжок, но по мячу я бил согнутой рукой. Это считалось плохой техникой. На тренировках он исправил мою ошибку, удар со стороны выглядел красиво, но сила от этого несколько ослабла. Ну а дальше волейбол присутствовал в моей жизни постоянно: до армии, в армии и после.

Получив школьный аттестат, я решил поступать в МАТИ – авиационно-технологический институт. Но получил плохую отметку на первом же экзамене.

Вступительные экзамены в другой институт – МЭИ, на вечерний факультет – проводились чуть позже. И друзья уговорили поступать в энергетический, на перспективную специальность, связанную с лазерами. Мне же учиться в этом институте не хотелось, но я сдал документы «за компанию». И, как назло, выдержал все экзамены.

Одновременно я устроился на работу в родную школу киномехаником. Все-таки тянуло меня к «альма-матер». Зарплату платили мизерную, но работа не утомляла, оставляя силы на учебу.

Только начались занятия в институте, команда «Динамо» поехала на спортивные сборы в Ворошиловград. Я принес декану письмо от клуба с просьбой отпустить меня на сборы и соревнования. Он отпустил.

После поездки пришел через полтора месяца на занятия: сижу в чужом коллективе, ничего не знаю, смысл лекций не улавливаю. Стал брать конспекты у ребят, наверстывать упущенное. Но не было желания учиться в этом институте, потому я его и бросил.

Только как сказать об этом родителям? Сначала я не решался и все «учебное» время проводил в метро. Садился вечером после работы в поезд на кольцевой линии и читал: Дюма, детективы, другие интересные книги. Поездки в метро продолжались, наверное, месяца два, и родители ни о чем не догадывались. Но с друзьями советовался: как же быть?

Тогда близкий приятель пообещал устроить меня на электромашиностроительный завод «Памяти революции 1905 года». Он сам там работал, получал 200 рублей, ходил в белом халате и протирал спиртом какие-то детали. Нарисовал такую заводскую идиллию, что я согласился.

В отделе кадров меня спросили, в какой цех я хочу. Называю тот, где в белых халатах со спиртом работают.

– Нет, – отвечает кадровик, – там все места заняты.

Вакансии оказались в сварочно-заготовительном цехе. Мастером там был Шнеерсон, заядлый любитель волейбола. Узнав, что я тоже волейболист, просто в меня вцепился:

– Работу дадим, зарплата будет хорошей, только иди к нам.

Мне поручили сваривать электрические шкафы. Выдали кувалду, огромные напильники и сварочный агрегат. Тонкой технологии эта работа не предполагала.

На завод я уходил в половине восьмого утра и однажды, стоя на пороге, объявил родителям:

– Я бросил институт, работаю на заводе.

Последовала немая сцена. Я как-то нелепо улыбнулся и быстренько ушел. Вечером произошел более конкретный разговор. Я твердо решил, что нужно идти в армию, а уж потом думать о дальнейшем образовании. Родителям ничего не оставалось, как разделить мою точку зрения.

На заводе дела шли успешно, и даже в многотиражной газете о нас с напарником Сашей Вороновым написали, как наша бригада здорово работает – на 150 – 170 процентов выполняет норму. Эту многотиражку мать сохранила. Лежит в домашнем альбоме и фабричная газета «Знамя «Трехгорки». Там про меня тоже трогательную заметку напечатали «Растет сын». Матери было приятно читать, как я хорошо учился в школе, занимался спортом, а теперь и на заводе – передовик.

Она никогда никого из троих детей не выделяла. Но мне казалось, что больше всех любила Надежду. Я даже порой чувствовал себя ущемленным. В детстве я часто дрался с младшим братом, постоянно колотил его, поэтому наказывали всегда меня. Толька был чересчур вредным, и я считал своим долгом воспитывать его.

Ребята из нашего двора на улице 1905 года почти все побывали в тюрьме – то керосиновую лавку ограбят, то кондитерский магазин. То снимут с кого-нибудь кольцо или часы. Это называлось «ходить на гоп-стоп». Однажды ограбили даже техникум. В техникуме украли спортивное снаряжение и вышли в нем на следующий день на каток, в своем же дворе. Сразу приехала милиция.

Из нашего двора не попали в тюрьму, пожалуй, только мы с братом. Нас уважали и называли «братьями седыми». Хотя сесть я начал недавно, а всегда был светло-русый. Брат родился блондином, а раз блондин – значит седой. Толя не попал в дурную компанию только потому, что я его практически за шкирку вытаскивал из опасных авантюр.

Был поучительный случай на старой квартире. Младшего брата обидел дворовый «король», настоящий хулиган, старше нас и сильнее. Тогда я подошел к этому «королю», обхватил его сзади, а хватка у меня железная, и брат его побил. С тех пор во дворе нас уважали. Мне уже тогда были противны «пижоны-короли», которые изображали из себя неизвестно кого. Я всегда остро чувствовал несправедливость.

В школе-восьмилетке у нас появился еще один «король» – его даже учителя побаивались. Ходил он со свитой в несколько подростков, и все расступались, завидев доморощенного авторитета. Он мог плюнуть в лицо кому угодно, мог ударить ногой. В один прекрасный день на уроке труда он зашел в наш класс. Мы столярничали. И вот он расхаживает вальяжно, с презрением всех оглядывает, а я думаю: если подойдет ко мне, я ему сразу врежу по физиономии. Он, видимо, почувствовал мой недоброжелательный взгляд и подошел. Я не стал дожидаться нападения и врезал. Свита остолбенела. Я приготовился к следующему удару. Но «король» перепугался и убежал.

Уроки закончились. Мне докладывают одноклассники:

– Ждут тебя.

В окно выглянул и остолбенел – такого количества районной шпаны в одном месте я еще не видел. Причем собрались и взрослые мужики, поджидают меня. С четвертого этажа я спустился по водосточной трубе с тыльной стороны школы, тихо перелез через забор и прибежал домой. На второй день опять пришлось воспользоваться водосточной трубой. Взрослым мужикам надоело меня встречать, и на третий день они уже не пришли.

В это же время ко мне «прикрепили» второгодника – я ему уроки помогал делать. Он уже слышал про обиженного «короля» и говорит:

– После школы пойдем вместе.

И мы с ним сами, как «короли», вышли на крыльцо. Шпана расступилась. Этот второгодник был штангистом и имел взрослый спортивный разряд.

...В армию я должен был идти весной. Сначала в военкомате записали меня во флот, потом перевели в пограничное училище. Тогда моим тренером по волейболу была замечательная женщина Галина Николаевна Волкова. Она – заслуженный мастер спорта, играла в сборной Союза. Как-то на соревнованиях ко мне подошел ее муж:

– Слушай, а ты не хотел бы служить в Кремле?

Я, честно говоря, даже не знал, что в Кремле служат. Мне хотелось остаться в Москве – тогда уже появилась в моей жизни Ирина.

Чтобы попасть на службу в Кремль, необходимо было пройти собеседование. Его проводили в комнате для посетителей, под Никольской башней. Меня встретил майор и стал задавать странные вопросы:

– Есть ли шрамы на теле? Нарывы? Наколки?

Ничего такого у меня не было, и я сдал анкету. Проверка затянулась, и в армию я ушел только осенью. Мать радовалась, что еще немного поработаю перед службой и помогу семье деньгами.

Состоялись трогательные проводы в армию. Ирина обещала меня ждать.

Перед службой в Кремлевском полку я весил 83 килограмма. Выглядел как скульптура – идеально обросший мышцами, без единой жиринки. С места прыгал на метр десять вверх и спокойно, двумя руками, клал мяч в баскетбольное кольцо. После армии похудел на восемь килограммов. Служба в Арсенале – так называют казармы Кремлевского полка – накладывала отпечаток даже на внешний вид.

С тоской я вспоминаю не первые дни службы, а, наоборот, последние месяцы – с августа по декабрь. Начальство изобретало любые предлоги, чтобы нам не выдавать увольнительные. Однажды даже эпидемию холеры придумали, которая всех якобы в столице беспощадно косила. В знак протеста мы остриглись наголо.

По сей день Кремлевский полк – один из самых боеспособных полков в Российской армии. И по количественному составу, и по техническому оснащению. Михаил Иванович Барсуков создал даже в этом полку бронебатальон. Так что в чрезвычайных ситуациях не понадобится просить танки у министра обороны – президенту хватит своих, «кремлевских» сил.

В Кремлевском полку почти все было особенным: усиленный курсантский паек, да и обмундирование качеством получше. Для рядового солдата форма шилась из того же сукна, что и для младших офицеров в армии, только на китель нашивали солдатские погоны. Сапоги у нас были хромовые, а для повседневной носки полагались еще и яловые. Постельное белье в Арсенале меняли раз в неделю, а в обычном полку – раз в десять дней. Тоже своего рода гигиеническая льгота. Денег на карманные расходы нам выделяли на два рубля больше – 5 рублей 80 копеек в месяц. А на втором году службы – вообще 7 руб. 80 коп. Мне же, как ефрейтору, полагался почти червонец. Я не курил и поэтому мог потратить все деньги на сардельки и мороженое.

С куревом, кстати, еще в восьмом классе произошел неприятный эпизод. Чтобы не выглядеть белой вороной в дворовой компании, я вместе со всеми без особого удовольствия мог выкурить сигаретку. И вдруг отец меня однажды спрашивает:

– Ты куришь?

– Нет...

– А зачем сигареты покупал?

Я сделал удивленные глаза. А он продолжает:

– Я же за тобой в очереди стоял в табачный киоск.

Тут я вспомнил – на днях действительно покупал. Пришлось врать, что курево предназначалось для друзей. Хотя сам покурил.

А летом вместе с нами отдыхала мать в деревне. Я с деревенскими ребятами играл в карты на сеновале и курил папироски. Деревенские матери доложили:

– Сашка вместе со всеми водку пьет, картежничает и курит.

Хотя водку я тогда еще не пробовал. И вот подошел к дому вместе с ребятами, а мать при всех приказывает:

– Дыхни!

Дыхнул. Она мне сразу же хлестнула по физиономии. Это было единственный раз в жизни. Но пощечину я запомнил навсегда. Тогда я на мать сильно рассердился, но впоследствии был ей благодарен. Она в прямом смысле слова отбила тягу к курению.

В армии же почти все курили – и солдаты, и офицеры. А некурящих практически насильно заставляли курить. Как? Например, все драят кубрик или кто-то моет «очки» (туалеты), кто-то раковины, кафельные полы. Драить полагалось жесткой щеткой и хозяйственным мылом. И для того чтобы обратить в свою веру некурящую молодежь, старший по уборке объявлял:

– Перекур. А некурящие продолжают работать.

Сначала было много некурящих, потом же дошло до того, что все перекуривают, а я один продолжаю мыть. Нарочно измывались. Но я твердо про себя решил: назло не закурю и никто меня не переломит.

Потом отсутствие этой вредной привычки пригодилось – Борис Николаевич тоже не курил, не выносил и табачного дыма.

В конце службы я начал сильно тосковать по дому – приходил в каптерку, ложился на бекешу и смотрел в бинокль. Из нашей каптерки был виден только кусочек стены дома на Пресне, где жили мои родители, где прошли детство и юность. К тому же приближалась свадьба.

С Ириной мы полюбили друг друга не с первого взгляда. Однажды с одноклассниками, уже после окончания школы, встречали Новый год у кого-то на квартире. Собралось человек двенадцать. Мне приятель и говорит:

– Обрати внимание на Ирину. Она мои ухаживания отвергает, может, у тебя получится.

Пригласил ее танцевать. Затем стал провожать до дома едва ли не каждый день. Ирина жила на Волоколамском шоссе, далеко от центра. Иногда приходилось возвращаться пешком – транспорт уже не ходил, а на такси денег не хватало. И мать, и Ирина волновались – как я доберусь. Поэтому мы с Ириной иногда старались закончить наши свидания пораньше, чтобы я успел на трамвай.

Любовь и дружба сохранились до самой армии. Когда были проводы, Ирина расплакалась. Видеть ее слезы, честно говоря, было приятно. А потом стали писать друг другу трогательные письма. Ирина до сих пор мои хранит.

Во время увольнений мы встречались. Как-то наш полк впервые в своей истории занял первое место в спартакиаде 9-го управления КГБ. Мне за вклад в победу дали десятидневный отпуск.

Под конец службы у меня сложились прекрасные отношения с начальником физподготовки полка, он даже оставлял мне ключи от своего кабинета. Я открывал его вечером и звонил Ирине. Иногда она приходила на свидание в комнату для посетителей. Но я не любил встречаться в таких условиях: вокруг полно народа, не поцелуешь любимую девушку, не обнимешь. Зато с этих свиданий я всегда уносил пакет вкусного печенья.

Примерно за два месяца до демобилизации мы разговаривали с Ириной по телефону. И вдруг она мне с тоской в голосе сообщает:

– Саш! А у нас еще одна парочка из класса расписалась, свадьба у них.

Я отвечаю:

– Ну и что. Давай и мы поженимся.

Не было у нас торжественной церемонии предложения руки и сердца, не было клятв в верности и вечной любви. Ирина без раздумий, с радостью согласилась. Теще, Валентине Ивановне, я тоже нравился, и она помогла выбрать загс, в котором бы нас побыстрее расписали. Правда, потом случались между нами мелкие конфликты, но только из-за того, что, по мнению тещи, Ирина плохо за мной ухаживала.

Свадьбу мы назначили на 31 декабря. Решили обойтись без «чаек», ленточек и кукол на капоте. И я до сих пор к подобным атрибутам отношусь с иронией. Поехали в загс на такси. Наши родители быстро обо всем договорились, хотя мать считала, что я поспешил с женитьбой. Она даже в сердцах мне сказала:

– Я думала, ты вернешься из армии, поработаешь и нам поможешь выйти из нужды.

Брат мой тогда уже поступил в институт, а сестра училась в школе. Денег по-прежнему не хватало. Но отец поддержал меня. Он легко сошелся с тестем, Семеном Семеновичем. У них, кстати, дружба была до самой смерти тестя. Он – тоже моряк, только с Дальнего Востока. Воевал там с японцами. Мой же отец прошел всю финскую войну, затем Отечественную. Он – участник героической обороны Гангута, выдержал ленинградскую блокаду.

...Свадебный стол накрыли в нашей двухкомнатной квартире на улице 1905 года. Собрались только очень близкие люди. А веселая, шумная свадьба со встречей Нового года продолжалась в трехкомнатной квартире, которую получили родители Ирины. Гостей было около восьмидесяти человек.

Свадебные платья невесте на первый и на второй день сшила соседка-портниха. Костюм я заказал хоть и не из самого дорогого материала, но модный – двубортный.

После свадьбы поселились у родителей Ирины.

Незадолго до конца срочной службы ко мне стали подходить «купцы» – так мы называли офицеров, которые уговаривали солдат продолжить службу в органах безопасности. И я решил остаться на службе в Кремле, в подразделении, которое занималось негласной охраной. Тогда я имел лишь поверхностное представление о моей будущей работе. Для меня только было важно, что ребята из этого подразделения постоянно куда-то мчались на машинах со «скрипками». «Скрипкой» называется автомат, закамуфлированный под скрипичный футляр или дипломат. Что делать – романтика!

Мне друзья посоветовали: если уж я хочу, чтобы меня взяли наверняка, надо вступить в партию. И я подал заявление с просьбой принять меня кандидатом в члены КПСС. К моему удивлению, моя кандидатура везде прошла «на ура». Пришлось ходить на офицерские партийные собрания, хотя я был ефрейтором. Там впервые испытал легкий партийный шок, послушав, как ругали моего командира взвода за пьянство и аморальное поведение.

В подразделении негласной охраны я проработал около восьми лет, почти все это время конфликтовал с начальством. Я был членом партбюро подразделения. Очень неудобным. И если бы мне на первых порах не попался такой замечательный наставник, как майор Николай Гаврилович Дыхов, я бы ушел из этой системы. Потому что после него у меня не было ни одного достойного начальника.

Дыхов, когда меня пригласили на работу в органы, приехал познакомиться с моими родителями. С ним был коллега – Иван Иванович Приказчиков. Отцу они очень понравились, и до конца жизни он вспоминал об этой встрече. В сущности, Дыхову и Приказчикову я обязан тем, что из меня с самого начала службы что-то чекистское получилось. Они действительно стали моими духовными отцами-наставниками.

Уже через восемь месяцев после начала работы я сдал офицерский минимум и получил звание младшего лейтенанта. Вскоре присвоили очередное звание. Старшим лейтенантом я пробыл шесть лет – никак не мог заслужить соответствующую должность из-за строптивости.

В 75-м году поступил во Всесоюзный юридический заочный институт. В 80-м мне казалось, что я уже очень квалифицированный юрист и могу решать самостоятельно сложные вопросы. Но юридической практики совсем не было, и я как-то незаметно начал терять квалификацию.

Учеба в институте сказывалась на материальном положении семьи. Когда начиналась сессия, мне платили только сто рублей в месяц. Этих денег было слишком мало, чтобы содержать четверых.

В 78-м году мы получили свою отдельную трехкомнатную квартиру на проспекте Вернадского. Въехали в нее, а денег на обустройство не накопили. Один раз, правда, мне выплатили за военное обмундирование очень большие по тем временам деньги – восемьсот рублей. Мы положили их на сберкнижку. Этих средств нам хватило, чтобы обставить кухню и купить шторы. Еще мы приобрели арабскую кровать. Началась новая жизнь, которую сопровождала вечная нужда.

Тогда же приятель уговорил меня купить, а точнее, взять в кредит «Запорожец» четырехлетней давности. Первое лето машина ездила, а потом я ее постоянно ремонтировал. Она, как я потом понял, ломалась из-за перегрузок. В «Запорожце» умещались мой грузный

отец, мать, супруга и двое детей. На коленках у отца стоял телевизор. Багажник, который у «Запорожца» спереди, тоже был завален. Еще и на крыше перевозили вещи. В таком виде мы мчались в Молоково.

Эту старообрядческую деревню между собой мы называли Простоквашино.

Подшипники колес, разумеется, рассыпались. Но нам самим такие условия передвижения не казались ужасными. Отец, кстати, выступал против покупки машины. Даже назвал меня буржуем. Но всего лишь раз доехал на «Запорожце» до деревни и больше об электричке не вспоминал.

Машина, новая квартира, подрастающие дочери... Приходилось постоянно занимать деньги. Их катастрофически не хватало.

В ту пору началась война в Афганистане. Нашему подразделению поручили организовать охрану Бабрака Кармаля. Этим занимался Владимир Степанович Редкобородый, впоследствии ставший начальником Главного управления охраны. Начались челночные поездки сотрудников 9-го управления КГБ в Афганистан.

Смена состояла из десяти человек. Они лично охраняли Бабрака Кармаля в течение полугода, а потом приезжали новые сотрудники. Никто, конечно, в глубине души не чувствовал, что исполняет интернациональный долг на этой войне, – все ездили в Афганистан, чтобы заработать. Другой возможности поправить материальное состояние просто не было.

Вот и я, как только начались поездки в Кабул, подошел к начальнику и говорю:

– Хочу подзаработать, тяжело стало.

И вскоре отправился в командировку в Афганистан на полгода. Вернулся в начале 82-го года. Продал «Запорожец», купил «Жигули», обставил, наконец, квартиру. Произошло и продвижение по службе. Мне предложили должность повыше и присвоили звание капитана.

В ноябре 82-го умер Брежнев, и меня пригласили в личную охрану Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова. Я стал старшим выездной смены.

Эти полтора года особенно приятно вспоминать. Что бы ни говорили теперь об Андропове, я испытываю к нему только глубокое уважение.

После его смерти я вернулся в свое подразделение. Недели две поработал у Горбачева – ему только начали набирать постоянную охрану. Несколько дней хватило, чтобы почувствовать: у Горбачевых свой, особый климат в семье. На госдаче, например, было два прогулочных кольца – малое и большое. Каждый вечер, в одно и то же время, примерно около семи вечера, Раиса Максимовна и Михаил Сергеевич выходили погулять по малому кольцу. Он в это время рассказывал ей обо всем, что случилось за день. Она в ответ говорила очень тихо. Для нас сначала было неожиданностью, когда Раиса Максимовна вдруг спрашивала:

– Сколько кругов мы прошли?

Не дай бог, если кто-то ошибался и отвечал неправильно. Она, оказывается, сама считала круги и проверяла наблюдательность охранника. Если он сбивался со счета, то такого человека убирали. Коллеги быстро усвоили урок и поступали так – втыкали в снег палочки. Круг прошли – палочку воткнули. Когда Раиса Максимовна экзаменовала их, они подсчитывали палочки. Так было зимой. А уж как охрана летом выкручивалась, я не знаю.

Был еще эпизод, характеризующий первую леди СССР. Ей привезли в назначенное время массажистку. А г-жа Горбачева в это время совершала моцион. Сотрудник охраны остановил машину с массажисткой и предупредил:

– Подождите, пожалуйста, Раиса Максимовна гуляет.

Во время сеанса массажистка поинтересовалась:

– Ну как вы, Раиса Максимовна, погуляли?

Начальника охраны тут же вызвали, отчитали, а сотрудника, сообщившего «секретную» информацию, убрали.

Охрану г-жа Горбачева подбирала лично. Помогал ей Плеханов, который потом особо отличился в Форосе – первым сдал Горбачева. Основным критерием отбора у Раисы Максимовны считалась внешность. Ни профессионализм, ни опыт работы во внимание не принимались. Мне все это не нравилось, и я, честно говоря, с облегчением вздохнул, когда вернулся в подразделение.

После поездки в Афганистан начальство ко мне стало относиться лучше – начались заграничные командировки.

Во Францию я поехал с членом Политбюро Соломенцевым. Ему предстояло неделю провести на съезде французских коммунистов, побеседовать с Жоржем Марше. Но Соломенцев просидел на съезде только день, затем начались ознакомительные мероприятия. Париж меня покорила. По-моему, это самый красивый город в мире.

Съездил я и в Лондон накануне запланированного визита Горбачева. Мне был поручен Букингемский дворец и еще пара объектов, которые Михаил Сергеевич собирался посетить. Там я все облазил. К сожалению, поездка Горбачева в Лондон сорвалась из-за землетрясения в Спитаке.

В Швейцарии впервые очень близко увидел президента США Рональда Рейгана. Тогда в Женеве вместе со своим коллегой я жил в маленькой однокомнатной квартире – ее выделило советское представительство. Когда же недавно приехал к старшей дочери Галине – она сейчас работает в Женеве с мужем Павлом, зубным техником, – то в первое мгновение растерялся. Они обитают в той самой квартире, в которой жил я во время горбачевского визита. Судьба!

На следующий день после встречи Горбачева с Рейганом я стал просматривать швейцарские газеты и обомлел – на всех фотографиях Михаил Сергеевич либо утирает нос рукавом, либо сморкается. Погода тогда выдалась скверная, сырая. Дул пронизывающий ветер, с неба постоянно капало. Рейган тоже сморкался, но, как опытный политик, вовремя отворачивался от фото- и телеобъективов. Журналисты так и не смогли запечатлеть его в неловкой позе.

...Мало кто знает, что охраннику на службу положено выходить подготовленным: со свободным кишечником и пустым мочевым пузырем. Меня эта служба закалила. Я мог днями не есть, часами стоять на ногах и целый день не пользоваться туалетом. В командировках условия были еще более жесткими, чем дома. От нерегулярного питания, от редких занятий спортом начал полнеть. А может, служба здесь и не виновата – просто годы идут...

В этот период мне предложили работу у Бориса Николаевича Ельцина.

Знакомство

Переехать из Свердловска в Москву Ельцина уговорили Лигачев и Горбачев. Борис Николаевич колебался. Это предложение казалось ему и заманчивым, и опасным одновременно. В столице предстояло заново самоутвердиться, в Свердловске же авторитет и влияние Ельцина были безграничными.

И все-таки, поддавшись на уговоры товарищей, а также подчиняясь партийной дисциплине, в апреле 1985 года Борис Николаевич перебрался в Москву. Когда я спустя некоторое время приехал в Свердловск вместе с ним, то понял, почему он раздумывал над предложением переехать в столицу. Здесь ему каждое дерево, каждая скамейка были знакомы, все при нем делалось. Был и свой, местный «Белый дом» – областной комитет партии. Не очень, правда, красивый – монументальная железобетонная коробка, хотя по советским стандартам «начинка» внутри здания смотрелась вполне современно.

Но сколько бы Свердловск ни называли третьей или пятой столицей России, по сравнению с Москвой он выглядел периферией. Это Ельцин понимал, потому и покидал родной город, правда, с ноющим сердцем.

В Москве карьера развивалась стремительно. Проработав заведующим Отделом строительства ЦК КПСС всего пару месяцев, Борис Николаевич стал секретарем Центрального комитета партии. В конце декабря 1985 года его назначили первым секретарем Московского городского комитета КПСС. Вот тогда мы и познакомились.

По Инструкции об охране высокопоставленных деятелей партии и государства, я должен был прийти к Ельцину только после его назначения кандидатом в члены Политбюро. До этого момента оставалось полтора месяца, но все уже знали: Ельцина на ближайшем, февральском пленуме непременно сделают кандидатом. Раз уж он первый секретарь МГК и собирается проводить радикальные реформы, то и охранять его решили усиленно.

А вообще-то секретарю ЦК КПСС, кем Борис Николаевич тогда являлся, был положен один человек – комендант: он и за охрану отвечает, он и любые, в том числе личные, семейные поручения выполняет...

Накануне Нового, 1986 года, 30 декабря, Борис Николаевич меня впервые вызвал. Беседа была краткой, минут пять. Я фактически пересказал анкету – где родился, где работал, какая у меня семья. Он слушал внимательно, но я понял: все это он уже сам прочитал.

– Ну что ж, Александр, будем работать вместе, – сказал Борис Николаевич. – Встречайте Новый год дома, а потом заступайте.

Первого января 1986 года я вышел на новое место работы.

Чуть позже, в феврале, у Ельцина появился помощник – Виктор Васильевич Илюшин. Они были знакомы еще по Свердловску. Илюшин раньше Бориса Николаевича переехал в Москву на повышение, став ответственным работником ЦК КПСС.

Виктор Васильевич произвел на всех впечатление человека сурового и педантичного. Он вынужден был, по просьбе Ельцина, перейти из ЦК КПСС в Московский горком и расценивал этот переход как очевидное понижение в должности, но, видимо, отказать бывшему патрону не смел.

Уехав из Свердловска, Илюшин мечтал о самостоятельной работе в столице. Ельцин же всегда был явным тоталитарным лидером, и в его тени Виктор Васильевич мог рассчитывать только на вспомогательную роль. Причем у этой роли был горький привкус – Илюшина считали заменимым человеком, на место которого можно было без больших проблем назначить другого исполнительного чиновника. Виктор же так тщательно создавал миф о безграничной преданности и любви к Борису Николаевичу, что в итоге все в это поверили. В том числе и сам мифотворец. Но стоило Ельцину оказаться в опале, как Илюшин, не стес-

няясь, начал его критиковать: мол, к чему делать «лишние круги в воздухе», разумнее не спорить с партией, а служить ей.

Еще одна из причин, по которой Виктор Васильевич не жаждал перехода из ЦК, – сугубо меркантильная. В Московском горкоме партии казенные дачи по сравнению с цеховскими были скромнее, должностные оклады – ниже. А Илюшин всегда очень внимательно относился к номенклатурным привилегиям и искренне полагал, что они точнее всего отражают ценность партработника.

По этой логике выходило, что ценность Илюшина внезапно и беспричинно снизилась. Позднее он частенько заводил разговор на эту тему:

– Работаю, как папа Карло, а получаю гроши. Платили хотя бы, ну, тысячу долларов.

Такая сумма казалась ему пределом материального благополучия.

Для меня же предложение перейти в охрану Ельцина выглядело перспективным. К тому времени я дослужился до капитана, побывал в Афганистане и был не против позитивных перемен в карьере. В охране Бориса Николаевича мне определили подполковничью должность. Для любого военного – это существенное продвижение по службе. Повышения же в системе 9-го управления КГБ, которое занималось охраной высокопоставленных руководителей партии и правительства, случались не так часто, как в армии. Дослужиться до заместителя начальника или начальника личной охраны считалось несбыточной мечтой. В иерархии силовых ведомств еще со времен Иосифа Виссарионовича говорили: «Кремлевский лейтенант – сибирский генерал».

Честно говоря, мне было тогда все равно, кого охранять: первого секретаря Свердловского обкома партии или начальника Чукотки. По-настоящему высоким в охране считали уровень Генерального секретаря или Председателя Совета Министров. Но разве я мог тогда предположить, что это назначение – судьба!

Личные отношения Борис Николаевич сразу ограничил жесткими рамками. Всех называл только на «вы», разговаривал кратко и строго: «Поехали! Подать машину в такое-то время. Позвоните туда-то. Доложите об исполнении» и т. п.

Первое замечание он мне сделал, когда я захлопнул дверцу машины. Открывая его дверь, я одновременно захлопывал свою. Но поскольку у него на левой руке трех фаланг частично не хватало, то подспудно затаился страх, что и оставшиеся пальцы ему когда-нибудь непременно оторвут, например прихлопнут дверцей автомобиля. Он выходил из ЗИЛа весьма своеобразно: хватал стойку машины, расположенную между дверьми, и резко подтягивал тело. Причем брался всегда правой рукой. Пальцы при этом действительно находились в опасной зоне. Я сразу обратил внимание на эту особенность шефа выходить из машины и никогда бы пальцы ему не прихлопнул. Поэтому мне было обидно услышать от Бориса Николаевича резкое резюме:

– Вы мне когда-нибудь отхлопнете пальцы.

В дальнейшем я поступал так: выходил первым, закрывал свою дверь, а потом уж распахивал его. Так что не так уж просто было работать с Ельциным, даже обыкновенным «дверьоткрывателем».

В «ЗИЛе» или «Чайке» Борис Николаевич всегда сидел на заднем правом сиденье. Я располагался рядом с водителем. С первых дней работы я понял: шеф очень не любит ничего повторять дважды. Иногда случалось: мотор урчит или я задумаюсь, а он что-нибудь в этот момент буркнет. Переспросить для меня было мукой – краснел заранее, особенно горели уши, как у провинившегося пацана.

Меня не удивляло, что Борис Николаевич вел себя как настоящий партийный деспот. Практически у всех партийных товарищей такого высокого уровня был одинаковый стиль поведения с подчиненными. Я бы больше поразился, если бы заметил у него интеллигентные манеры.

Когда Ельцин приходил домой, дети и жена стояли навтыжку. К папочке кидались, раздевали его до трусов, переобували в комнатные тапки. Он сам только руки и ноги поднимал.

При работе в МГК Борис Николаевич прекрасно выдерживал забитый до предела распорядок дня. В субботу работал лишь до обеда, а вторую половину дня и воскресенье проводил дома с семьей. Они все вместе обедали, глава семейства любил попариться в бане. Зимой иногда катался на лыжах. Мне он рассказывал, что в Свердловске регулярно совершал лыжные прогулки.

В Москве начальник охраны Ельцина Юрий Федорович Кожухов приучил его иногда ездить в спорткомплекс на Ленинские горы, куда ни члены Политбюро, ни более молодые кандидаты практически не заглядывали.

В спорткомплексе Борис Николаевич начал брать первые уроки тенниса. Инструкторы попались не очень профессиональные – бывшие разрядники или вообще специалисты по другим видам спорта. Но никакого другого тренера по теннису тогда неоткуда было взять, а пригласить профессионала просто в голову никому не приходило.

Постепенно Кожухов стал для Ельцина близким по работе человеком, а мы с напарником Виктором Суздалевым никогда эту близость не оспаривали. Наоборот, были благодарны Кожухову за то, что он нас выбрал из внушительного числа претендентов – тех майоров и капитанов КГБ, чьи анкеты он просматривал, подбирая охрану Ельцину. Кожухов нам признался, что ему предложили выбрать себе заместителей из десяти кандидатов. Все были профессионалами, с высшим образованием. И он выбрал Суздалева и Коржакова.

Виктор, к сожалению, несколько лет назад погиб в автокатастрофе – разбился по дороге на дачу. Мы с ним к этому моменту почти не поддерживали отношений. Суздалева в 89-м уволили из КГБ фактически из-за меня: я общался с опальным Ельциным, а Виктор – со мной.

Горбачева на первых порах Борис Николаевич боготворил. У него с Генеральным секретарем ЦК КПСС была прямая связь – отдельный телефонный аппарат. И если этот телефон звонил, Ельцин бежал к нему сломя голову.

Сначала Михаил Сергеевич звонил часто. Но чем ближе был 1987 год, тем реже раздавались звонки. Борис Николаевич был убежденным коммунистом, старательно посещал партийные мероприятия, и его тогда вовсе не тошнило от коммунистической идеологии.

Один раз я присутствовал на бюро горкома, и мне было неловко слушать, как Борис Николаевич, отчитывая провинившегося руководителя за плохую работу, унижал при этом его человеческое достоинство. Ругал и прекрасно понимал, что оскорбляемый ответить на равных ему не может.

Эта манера сохранилась у Ельцина до конца его работы. Я припомнил то давнее бюро горкома на Совете безопасности в 1995 году. После террористического акта басаевцев в Буденновске Борис Николаевич снимал с должностей на этом заседании министра внутренних дел В.Ф. Ерина, представителя Президента в Чечне Н.Д. Егорова, главу администрации Ставрополя Кузнецова и песочил их знакомым мне уничижительным, барским тоном. К Кузнецову я особой симпатии не испытывал, но тут мне стало обидно за человека: его-то вообще не за что было с таким позором снимать.

В КГБ нам внушали, что охраняемые лица – особые: они идеальны и любые поступки совершают во благо народа. Конечно, они такие же люди, как и все. А некоторые даже гораздо хуже. Как-то с одним таким «идеальным» человеком я гулял. Точнее, он гулял, а я его охранял. Встретились мы первый раз в жизни, поздоровались и побрели на небольшом расстоянии друг от друга по дорожкам живописной территории. И вдруг мой подопечный с громким звуком начинает выпускать газы. Мне стало неудобно, я готов был сквозь землю

провалиться... А «идеальному» человеку – хоть бы хны, он, видимо, только с коллегами по Политбюро так не «общался», стеснялся.

Постепенно в моем сознании произошла трансформация – святость при восприятии высокопоставленных партийных товарищей улетучилась, а увидел я людей не самых умных, не самых талантливых, а порой даже и маловоспитанных. Но к Ельцину эти наблюдения не относились – он тогда заметно отличался от остальных коммунистических деятелей.

Как уже говорилось, Борис Николаевич вел себя со мной строго, но корректно. Всегда, вплоть до отставки, обращался ко мне только на «вы». Правда, в исключительных случаях, после тяжелого застолья, мог случайно перейти на «ты». Тогда он произносил таким про-никновенным голосом: «Саша!», что сердце мое сжималось.

Александром Васильевичем он стал называть меня года через три после знакомства. А сначала – только Александр. Во время первой нашей беседы он так и сказал:

– Хорошо, я вас буду звать Александром.

Напарника моего звал Виктором, а Кожухова – только по имени и отчеству. По возрасту я был самым младшим в этой команде, потому нос не задираю, но и в обиду себя не давал.

Сначала работа в МГК показалась мне скучноватой. Привезешь шефа на работу и сидишь. Поручения он давал мне в первые месяцы редко, зато потом их стало даже много-вато. Вечером, как правило, в кабинет к Ельцину заходил Юрий Федорович, они общались в комнате отдыха, а потом уже я с Борисом Николаевичем уезжал домой.

Практически каждый день мы ездили на какое-нибудь мероприятие. Иногда совершали несколько визитов в день – на стройку, завод или в институт... В тот момент я начал замечать у Бориса Николаевича черты, которых прежде у партийных боссов не встречал.

Прежде всего Ельцин отличался неординарным поведением. Как-то во время встречи на стройке он меня спрашивает:

– Александр, какие у вас часы?

Я показал.

– О, эти не подходят, нужны какие-нибудь поинтереснее.

Я подхожу к коллеге из группы сопровождения и интересуюсь:

– У тебя какие часы?

– «Сейко». А что?

Поясняю ему:

– Снимай, шеф просит.

Он отдал. И шеф тут же подарил эти часы какому-то отличившемуся строителю. У Ельцина, оказывается, манера была – дарить часы. Она сохранилась со свердловских времен. Жест этот предполагал исторический смысл: первый секретарь поощрял «своими» часами знатных тружеников почти так же, как командарм своих солдат – за боевые заслуги в Великую Отечественную. Я этот фокус с часами запомнил и потом специально носил в кармане запасной комплект. Часы же брал казенные, в горькоме.

У Ельцина в нагрудном кармане пиджака всегда лежал червонец, который ему вкладывала Наина Иосифовна, собирая по утрам мужа на работу. Уже тогда Борис Николаевич плохо представлял, что сколько стоит, но всегда следил, чтобы никто за него нигде не платил. Если он чувствовал, что его угощают, а бесплатно в этом месте есть не стоит, то выкладывал на стол свой червонец, пребывая в полной уверенности, что расплатился. Хотя обед мог стоить и два червонца.

Мне Борис Николаевич все больше нравился, несмотря на строгость и порой несправедливые замечания. Я ему все прощал. Шеф умел решать проблемы и, когда мы с ним бывали на мероприятиях, находил выход практически из любой ситуации.

В машине Ельцин тоже не хотел терять времени зря и старался поработать с докумен-тами. Если мы ехали на какой-то новый объект, на котором прежде не бывали, то он обя-

зательно готовился к визиту. Особенно хорошо Борис Николаевич запоминал цифры. Он говорил, что сто цифр мог запомнить за десять минут. При этом никогда не ошибался и точностью результата изумлял собеседников. Сам же любил поймать человека на ошибке, на незнании каких-то фактов. Ельцин ведь приехал с периферии и, видимо, испытывал потребность при случае подчеркнуть, что и там есть люди ничуть не хуже москвичей, а может, и получше. Ему казалось, что провинцию недооценивают, воспринимают ее снисходительно, со столичным снобизмом.

Будучи первым секретарем МГК, Борис Николаевич регулярно посещал с проверками продовольственные магазины. Сначала мы ездили по одному и тому же маршруту, заезжая в магазины, расположенные вдоль правительственной трассы. Правда, когда торговое начальство узнало о наших визитах, то стало снабжать эти магазины лучше остальных. Привычка лично проверять, какие продукты лежат на прилавке, тоже сохранилась у шефа со Свердловска. Там разговор в гастрономе начинался с вопроса:

– Сколько в продаже сортов мяса? Сколько наименований молочной продукции? Яйцо в наличии?..

Мы намекнули Борису Николаевичу, что магазины подальше от трассы снабжают не так полноценно, как остальные, и он поручил мне подбирать объекты для проверки. Я заезжал в самый обыкновенный магазинчик, осматривал с точки зрения безопасности подъезды к нему и никому из работников не говорил, что скоро сюда нагрянет первый секретарь МГК.

Наш «ЗИЛ» к тому времени уже сопровождал дополнительный экипаж охраны – его прикрепили из-за частых отклонений от стандартных маршрутов. Я предупреждал ребят:

– В такое-то время мы будем там-то. Только никого в магазине об этом не информируйте.

И мы заезжали неожиданно, заставая врасплох перепуганного директора. В то время Ельцина в лицо не очень-то знали и могли послать куда подальше. Внезапность визита являлась отнюдь не самоцелью – только так можно было установить истинное положение дел, без прикрас.

Однажды Борис Николаевич строгим, требовательным голосом о чем-то спросил продавщицу. Она ответила нагло:

– Шел бы ты отсюда...

На шум прибежал директор и, с ужасом в глазах посмотрев на Ельцина, сразу сообразил, в чем дело. Но Борис Николаевич с невозмутимым лицом продолжил диктовать замечания, которые я записывал в блокнот.

Сейчас, возможно, вспоминать об этом смешно. Но тогда он поступал правильно: ему поручили навести порядок в Москве и он его наводил. Рыночных методов ведь еще не было. В Свердловске, например, при Ельцине всегда были в продаже яйца и птичье мясо трех сортов. А с приходом его преемника Петрова начались перебои.

Иногда мы приезжали на торжественное открытие детского сада или какого-то предприятия. Борис Николаевич произносил убедительную речь. Ему верили. Мы тоже верили, что его энергия, работоспособность могут изменить жизнь к лучшему. Наивными мы были в то время...

Первый отпуск

Поближе с семьей Бориса Николаевича я познакомился в мае 86-го года. Тогда они все вместе отправились в отпуск в Пицунду. Поехали Наина Иосифовна, младшая дочь Татьяна, ее сын Борис и старшая дочь Елена с дочерьми – Катей и Машей. Ельцин всегда брал их с собой на отдых.

К этому времени Кожухов уже ревновал меня к шефу. Я не сразу понял это. Считал, что Юрий Федорович устает на работе, оттого раздражителен и несправедливо ко мне придирается. И только позднее сообразил, кто именно спровоцировал такое отношение.

Кожухов подружился с Илюшиным. Завоевать расположение Виктора Васильевича оказалось нетрудно. Из спецбуфета, который обслуживал шефа, подавали не только чай и кофе, но и свежую выпечку. Сдобу готовили на особой кухне в Кремле. От запаха слюнки текли, но теплые булочки, пирожки, ватрушки предназначались только для начальства. Кожухов же сам заказывал продукты в буфете и лишними пирожками начал подкармливать помощника первого секретаря МГК.

Черта эта – поест за казенный счет – сохранилась у Илюшина, даже когда он в 96-м году стал первым вице-премьером Правительства России. В новую должность он вступил со старой песней:

– Почему меня не обслуживают, как положено? Где охрана? – были его первые вопросы на новом поприще.

Словом, Кожухов с благословения Виктора Васильевича начал ревновать Ельцина ко мне еще до отпуска в Пицунде. И для этого, как им казалось, были причины. Мы выезжали с Борисом Николаевичем на работу рано. Магазины открывались в восемь. Мы в них заходили, Ельцин делал замечания – я записывал. И сразу же на службу. Илюшин же раньше девяти не приходил, поэтому я сам звонил секретарю горкома по торговле, сообщая об итогах утренних проверок.

Секретарем была женщина, товарищ Низовцева. Она никогда мне не говорила: дескать, вы охранник, лезете не в свои дела. Наоборот, спокойно, по-деловому обсуждала со мной все проблемы. Илюшин же в этот период увлекся теннисом, с утра любил поиграть и приходил на работу раздраженный, что мы опять явились раньше него. Но шеф тогда спал мало и утром маялся без дела. Он отдыхал по четыре-пять часов в сутки, и ему недолго сна хватало, чтобы восстановить силы. Говорят, что это – признак гениальности. У меня же выбора не оставалось – я вынужден был спать столько же. Не знаю, насколько я гениален, но тоже успевал прийти в себя.

Илюшин наябедничал Кожухову на меня: Коржаков лезет не в свои дела, едва ли не командует помощниками, то есть им персонально. Жаловался он и Ельцину, Борис Николаевич спустя годы сам рассказал мне об этом.

Отношение ко мне изменилось – появился недоброжелательный тон. Вдобавок к козням партинтригана Кожухов рассказал шефу, что взял он Суздалева и меня в охрану только потому, что другого выбора не было. Ему предложили анкеты десяти офицеров, но все, в том числе и мы с Виктором, оказались «стукачами». Должны были про каждый шаг Ельцина докладывать своему начальству...

Как-то мы уехали из горкома пораньше, часов в десять вечера, и я предложил Борису Николаевичу послушать в машине музыку. Он спросил:

– А что вы мне можете предложить?

– У меня есть Анна Герман.

В те годы еще не у каждого были хорошие магнитофоны и качественные аудиопленки. Родственники подарили нам отличный магнитофон на свадьбу, и я коллекционировал эст-

радные музыкальные записи. Много пленок привез из Афганистана. Я включил Анну Герман, которая пела «Один раз в год сады цветут». Шеф послушал, и ему понравилось.

Борис Николаевич терпеть не мог радио. Хочешь включить – новости послушать, он запрещает:

– Выключите!

Причем командует резко, раздраженно. Но музыку в машине стал слушать с удовольствием. Мы ехали по ночной Москве, он сидел молча, с лирическим выражением лица. Так было несколько раз. Когда его на встречах спрашивали, кого из эстрадных певиц он больше всего любит, отвечал без раздумий:

– Анну Герман.

Меня этот ответ забавлял...

Из родных уральских песен Ельцин любил «Рябинушку» известного композитора Радыгина, но слов не помнил. Наина Иосифовна знала из нее куплета полтора.

С приходом в команду Ельцина помощника из Госстроя Суханова песенный репертуар шефа расширился. Лев Евгеньевич замечательно играл на гитаре и пел. Ради Ельцина он выучил слова этой «Рябинушки». И никогда не подавал вида, заметив, что у Бориса Николаевича серьезные проблемы с музыкальным слухом.

Зато чувство ритма у Ельцина было развито нормально. Оттого он неплохо играл на ложках. Этими ложками шеф мог задолбать кого угодно. Даже во время официальных визитов требовал:

– Дайте ложки!

Если деревянных под рукой не оказывалось, годились и металлические. Он их ловко сгибал и отбивал ритм исполняемой мелодии. Но металлические ложки стирали в кровь пальцы, мозоли потом ныли, раздражая шефа.

Ельцин родился в деревне Бутка, и там, видимо, играть на ложках было престижно. Борис Николаевич, звонко шлепая ложками по разным частям собственного тела, начинал напевать:

Калинка, калинка, калинка моя.
Выгоняла я корову на росу,
Повстречался мне медведь во лесу...

Эти строчки он в упоении повторял многократно, отбивая темп ложками. Многие слушатели, не выдержав комизма ситуации, хохотали.

У Бориса Николаевича не было музыкального образования, но тяга к музыке чувствовалась. Он построил в Свердловске театр оперетты, рассказывал мне, как любил ходить на спектакли. Но я ни разу не слышал, чтобы он напевал какую-нибудь мелодию из оперетт.

Единственная песня, которую Борис Николаевич знал от начала до конца, была «Тонкая рябина». Мы ее выучили благодаря президенту Казахстана – ехали как-то с Назарбаевым в машине от аэропорта до его охотничьей резиденции «Боровое» часа два и разучивали слова – повторили песню раз пятьдесят. Нурсултан Абишевич очень любит русские песни и красиво их исполняет. После этой поездки Борис Николаевич всегда пел в компании «Тонкую рябину». Когда куплет заканчивался и нужно было сделать паузу, Ельцин начинал первым, чтобы показать: слова знает, подсказывать не нужно.

...После Анны Герман я хотел и другие пленки принести, но шеф вдруг категорически запретил:

– Все, хватит. Надоело.

Музыкальные вечера в машине прекратились, отношения наши заметно испортились. Я, честно говоря, сильно не переживал: выгонит так выгонит. До этого я был в охране у

маршала Сергея Леонидовича Соколова и продержался там чуть больше месяца. Просто не сработался с руководителем охраны. Пришел к своему начальнику подразделения и честно сказал:

– Прошу вас взять меня обратно. Не считайте, что я не справился, просто не могу с этим типом работать.

Если бы и здесь возникла аналогичная ситуация, я бы, не сожалея, тоже ушел.

Неожиданно ко мне в мае подходит Кожухов и спрашивает:

– Ты в отпуск не собираешься?

Я удивился – у меня отпуск был записан на осень.

– А мы тебе сейчас предлагаем, – настаивал Юрий Федорович. – Мы уезжаем на отдых, и ты тоже отдохни.

Но через некоторое время Кожухов изменил свое решение:

– Ты все-таки с нами в командировку поезжай.

Выясняется следующее. Я в то время еще неплохо играл в волейбол, а шеф часто рассказывал, что был мастером именно в этом виде спорта. И ему просто хотелось во время отпуска поиграть с достойными партнерами.

Таня тоже увлекалась волейболом и даже участвовала в студенческих соревнованиях МГУ. Могла дать приличный пас, да и принимала подачу неплохо.

Приехали в Пицунду, на госдачу – объект отдыха. Только расположились, а Борис Николаевич уже дает команду: всем приходиться на волейбол в пять часов.

Я вышел на площадку в наколенниках и начал разминаться. Мы сделали по два-три удара, и Ельцин вдруг поворачивается к Кожухову и говорит резко, сквозь зубы:

– Надо лучше знать свои кадры.

Кожухов еще в Москве опасался, что шеф увидит мою профессиональную игру. И потому решил в отпуск меня не пускать, чтобы никаких неформальных отношений, а тем более симпатий между мной и Борисом Николаевичем не получилось.

В волейбол мы играли каждый день. Шеф, естественно, взял меня в свою команду – проигрывать Борис Николаевич терпеть не мог. Иначе настроение у него надолго портилось. В теннис он тоже обязан был всегда выигрывать.

В Пицунде мы устраивали настоящие баталии. Пригласили местную команду – чемпиона Пицунды. Она состояла в основном из наших офицеров и прапорщиков, которые охраняли объекты отдыха партийной элиты. Мы всегда у них выигрывали. Дошло до того, что они отыскивали какого-то профессионального волейболиста из Гагр, который играл сильнее всех на побережье. Я встал против этого парня и практически нейтрализовал его. Повторюсь, но напомним, что в моем волейбольном амплуа самым серьезным элементом был блок. С юности его освоил. Помогало и спортивное чутье. К тому же прыгал высоко, с «зависанием», и еще выше вытягивал руки. Мы тогда победили со счетом 3:2. Все очень радовались – прыгали, обнимались.

Помимо волейбола были и другие развлечения. Ездили на рыбалку, купались... С купанием связан еще один эпизод, изменивший отношение Ельцина ко мне.

Сначала температура морской воды колебалась от одиннадцати до тринадцати градусов. Для купания она была холодноватой. Но шеф ежедневно переодевался в палатке на пирсе и по трапу спускался в море. Мы, его телохранители, по инструкции, должны были заранее войти с берега в воду, проплыть метров двадцать к трапу и там в воде поджидать Бориса Николаевича.

Так я и делал. Пока он надевал плавки, я доплывал до положенного места и отчаянно дрыгал руками и ногами, чтобы не заledenеть. Ельцин же медленно спускался по трапу, проплывал несколько метров вперед и возвращался обратно. Потом уж выпрыгивал я и бежал под теплый душ.

Проходит недели полторы. Неожиданно Кожухов и Суздалев устраивают мне голово-
мойку:

– Ты бессовестный предатель, ты к шефу подлизываешься.

– В чем дело? Объяснитесь.

– Ну как же, мы честно стоим на берегу, пока шеф плавает, а ты вместе с ним купаешься, моржа из себя изображаешь.

Тут уж я взорвался:

– Ребята, я делаю так, как положено по инструкции. Если бы вы мне раньше сказали, что не нужно с ним плавать, я бы не плавал.

Оказывается, когда вода потеплела градусов до двадцати, Ельцин спустился, а около него уже Кожухов плещется. Борис Николаевич с удивлением спрашивает:

– Что это вы тут делаете?

– Как? Положено, чтобы вы не утонули.

– А почему вы прежде стояли на пирсе? Вот Александр постоянно плавал.

Мои напарники решили, что я их подсиживаю. Хотя я искренне считал себя третьим в этой команде и никогда не стремился стать вторым или первым. Я был и так доволен тем, что не посещал инструктажи в подразделении, не ходил на партсобрания, семинары и т.д. Отрабатывал свои сутки – и делал, что хотел. Меня такой график работы вполне устраивал.

После отпуска отношения с Ельциным изменились коренным образом – появились доверие и обоюдный интерес. Иногда едем в машине, а у шефа лирическое настроение. И он вспоминает:

– Александр, а здорово мы этих волейбольных пижонов надрали!

Теперь я вызывал у него только положительные ассоциации. Отпуск в Пицунде мы с Борисом Николаевичем часто вспоминали, считали его «медовым». Правда, тогда к концу отдыха Борис Николаевич застудил спину и больше в волейбол никогда не играл.

Илюшин болезненно воспринимал теплое, дружеское отношение шефа ко мне. Еще больше он нервничал, когда Борис Николаевич поручал мне дела, не входящие в компетенцию охраны. При любом удобном случае Виктор Васильевич подчеркивал: дело телохранителей – охранять. Если Ельцину дарили цветы или сувениры, он всегда старался всучить их нам, чтобы таскали. А я не брал и при удобном случае объяснял Виктору Васильевичу азбуку охранной деятельности. Например, что руки у телохранителя всегда должны быть свободными.

Перед пленумом

К 1987 году многих партбоссов, в том числе и Ельцина, я уж не говорю про простых людей, стало раздражать словоблудие Михаила Сергеевича Горбачева. Еще больше действовало на нервы возрастающее влияние Раисы Максимовны. Она уже не только безапелляционно раздавала хозяйственные команды, но и открыто вмешивалась в государственные дела, порой переставляя людей, как мебель в апартаментах мужа.

У Бориса Николаевича с весны 87-го года начались стычки на Политбюро то с Лигачевым, то с Соломенцевым. Спорили из-за подходов к перестройке. Шеф видел, что реформы «пробуксовывают». Вроде бы все «под парами», и гудок гудит, и маховики работают, а колеса не катят.

Ельцин ведь абсолютно искренне воспринимал объявленную Горбачевым перестройку и ее результаты представлял по-своему. В Москве, например, он едва ли не на каждом шагу устраивал продовольственные ярмарки. Овощи, фрукты, птицу, яйца, мед в ту пору москвичи могли купить без проблем.

Борис Николаевич тогда сам читал газеты, и его личное впечатление, будто, кроме гласности, в стране ничего нового не произошло, статьи в прессе только усиливали.

В сентябре 87-го Ельцин написал письмо Горбачеву, в котором просил принять его отставку со всех партийных постов. Причина – замедление перестройки и неприемлемый для Бориса Николаевича стиль работы партаппарата ЦК КПСС. В сущности, Ельцин обвинил аппарат в саботаже.

Письмо это он никому не показал. Шло время, а Горбачев никак не реагировал. Ельцин сильно переживал из-за этого, явно демонстративного молчания. Еще несколько месяцев назад они с Горбачевым, как добрые товарищи по партии, постоянно перезванивались. Ельцин в нашем присутствии называл Горбачева только Михаилом Сергеевичем и постоянно подчеркивал свое почтение к нему.

Генсек предложил Ельцину с семьей переехать на служебную дачу, с которой только что съехал сам. И шеф, даже не дождавшись ремонта, сразу перебрался. Такого еще за всю партийную историю не случалось. Обычно хоть косметический ремонт, но полагалось сделать. Горбачевы уехали. Сняли картины со стен, на обоях остались светлые пятна. Где-то торчали гвозди из стены, где-то виднелись пустые дырки.

Спешка Ельцина объяснялась просто – он хотел показать, что ничем после Горбачева не брезгует. Я думаю, что Борис Николаевич никогда бы не дошел до столь высокого поста, если бы у него не было этого беспрекословного партийного чинопочитания.

Он в душе верил, что Горбачев на письмо ответит и лично подтвердит его, Ельцина, правоту. Но тот упорно молчал.

Двадцать первого октября Ельцин выступил на пленуме ЦК КПСС, где, в сущности, повторил вслух основные тезисы своего письма. Но спустя несколько дней, на московском пленуме, повел себя странно: признал прежнее поведение ошибочным, покаялся перед партией.

...В тот день, когда проходил московский пленум, Кожухов и я находились рядом с Борисом Николаевичем в больнице, на Мичуринском проспекте. Он чувствовал себя ужасно, но на пленум решил поехать. Мы довели его до машины, поддерживая под руки. Перед отъездом врач вколол больному баралгин. Обычно этот препарат действует как анальгетик, но в повышенных концентрациях вызывает торможение работы мозга.

И, едва ли случайно, доктор влил в Ельцина почти смертельную дозу этого препарата. Борис Николаевич перестал реагировать на окружающих и напоминал загнипнотизированного лунатика. В таком состоянии он и выступил. Кратко и без бумажки. Когда же прочитал

в газетах произнесенную на московском пленуме речь, испытал шок. Отказывался верить, что всю эту галиматью произнес с трибуны лично, без подсказок со стороны.

Кстати, врач, который тогда вколол баралгин, – Нечаев Дмитрий Дмитриевич – спустя некоторое время стал личным врачом Черномырдина. И Ельцин через несколько лет вновь с ним встретился в Сочи. Увидев его вместе с Виктором Степановичем, шеф просто остолбенел. Вся семья ненавидела этого человека, и Наина Иосифовна, не выдержав, объяснилась с премьером. Тот признался, что ничего не слышал про историю с баралгином, но доктора после неприятного разговора с Наиной от себя не убрал.

Пленум сильно изменил состояние здоровья и духа Бориса Николаевича. Он был подавлен, все время лежал в постели, если кто-то навещал его, то без особого энтузиазма пожимал протянутую руку двумя холодными пальцами.

Ельцин ждал звонка Горбачева. И Горбачев наконец-то позвонил. Я сам тогда принес телефонный аппарат к постели шефа и вышел. Из-за двери слышал, как Ельцин поддерживал разговор совершенно убитым голосом.

Михаил Сергеевич предложил ему должность заместителя председателя Госстроя в ранге министра СССР. Борис Николаевич без долгих раздумий согласился.

Прощание с КГБ

Ельцин остался без охраны в феврале 1988 года в день пленума ЦК КПСС, когда его вывели из состава Политбюро. Он был в больнице, и мы, его телохранители, находились рядом. Ближе к вечеру приехали наши руководители из «девятки» и приказали сдать оружие. Вскоре меня понизили в должности: перевели с подполковничьей на капитанскую, хотя в то время я уже был майором. Понизили и Суздалева, и Кожухова. Только один Илюшин избежал должностных репрессий и был приглашен на работу в ЦК КПСС, на прежнее, уже насиженное место.

Мне предложили поработать дежурным офицером подразделения. Выбора не было, и я согласился. На этой работе, по мнению начальства, я мог искупить прежние, порочащие меня связи с Ельциным. Но к Борису Николаевичу я все равно регулярно ездил в гости – либо один, либо с его бывшими водителями, как и он ко мне.

С одним из водителей, правда, потом произошел инцидент – этот человек, напившись, пришел к Борису Николаевичу и начал задавать наглые вопросы, суть которых сводилась к следующему: что произошло на самом деле, когда шеф с моста в Москву-реку упал? Ельцин мужественно выдержал допрос, но с тех пор одним визитером стало меньше.

Наступило 1 февраля 89-го года – день рождения Бориса Николаевича. Ко мне подошел Суздалев:

– Можно я вместе с тобой пойду поздравлять шефа?

И мы пошли вдвоем. Долго раздумывали, что принести в подарок. Ничего оригинального не придумали и купили большой букет цветов. В феврале они стоили дорого, но нам хватило денег и на спиртное, и на закуску. Радостно настроенные, с розовыми от мороза щеками мы пришли на работу к Борису Николаевичу – в Госстрой.

В первое время после пленума Ельцин пребывал в депрессии, но через несколько месяцев переборол хандру. Он уже готовился к выборам в депутаты Верховного Совета СССР, развернул агитационную кампанию, давал интервью журналистам, готовился диктовать книгу.

Нашему появлению он искренне обрадовался – крепко обнял, похвалил цветы. Отношения между нами после всего пережитого стали почти родственными. Если я приходил к Борису Николаевичу домой, то вся семья бросалась целоваться. И не было, как мне казалось, тогда в этой радости ни грамма фальши.

В Госстрое, в комнате отдыха министра, накрыли стол. Гости приходили и уходили, приносили подарки, цветы, говорили Борису Николаевичу теплые слова. Лев Суханов, новый помощник Ельцина, захватил из дома гитару, и мы, как в прежние годы, пели и наслаждались дружеским общением.

Тосты произносили за будущее шефа. Тогда никто и мысли не допускал о президентстве, Борису Николаевичу желали пройти в депутаты. Я никогда не боялся, что меня, офицера КГБ, уволят за неформальное общение с Ельциным. Если же меня упрекали старшие коллеги: «Как же ты можешь встречаться с Ельциным, ведь он – враг Горбачева», – я отвечал: «Но не враг народа. Он член ЦК КПСС, министр, наконец. А врагов министрами не назначают».

Хотя про себя думал, что из опалы Ельцину не выбраться никогда. Горбачев был молодым Генеральным секретарем, и никто не предвидел ни распада СССР, ни добровольного ухода Михаила Сергеевича с высокого поста. Карьера Бориса Николаевича, как нам всем казалось, могла быть связана только с депутатской деятельностью. Если произойдет чудо, то он станет Председателем Верховного Совета СССР. Но тогда, в Госстрое, мы лишь хотели

морально поддержать симпатичного человека, который, как нам казалось, несправедливо пострадал.

Мы так замечательно погуляли, что именинник домой в свой день рождения не попал – сонные и пьяные мы расстались только под утро.

Второго февраля в нашем управлении (в КГБ) проходила плановая, раз в пять лет, специальная комиссия. Это обследование мы называли ПФЛ – психофизическая лаборатория. Доктора проверяли интеллект сотрудников, исследовали реакцию при помощи различных тестов и сложного оборудования.

Обычно к проверке все готовились – накануне вели праведный образ жизни: поменьше курили, а уж тем более пили, и старались побольше думать.

Прогуляв всю ночь, я явился на эту ПФЛ. О результатах тестирования решил прежде времени не волноваться. Не прогулял же я интеллект и реакцию за одну ночь! Через два дня убедился в правильности своих рассуждений: все показатели оказались гораздо выше средней нормы.

Но эта важная и полезная информация до руководства КГБ не дошла. Зато они, наконец, выяснили, где и с кем я провожу свободное от работы время. Особенно не понравились начальству тосты, которые я произносил за Бориса Николаевича. У опальных руководителей компартии, оказывается, не должно быть перспектив на будущее.

Из-за контактов с Ельциным меня решили срочно, через несколько дней после злополучного дня рождения, уволить из органов КГБ с формулировкой, которая никак не соответствовала действительности («по выслуге лет»), зато урезала полагающуюся мне за военную выслугу пенсию на 32 рубля. Вместо 232 рублей мне хотели дать только две сотни. За тридцать два рубля я готов был бороться, как медведь.

Коллеги показали служебные инструкции, из которых следовало: с моими больными суставами я могу уйти на пенсию по болезни ног. Но команда «сверху», от высшего руководства звучала жестко:

– Пенсию назначить минимальную и побыстрее вынести его из комитета поганой метлой.

Выход из положения был один – мне предстояло обмануть медицинскую комиссию, которая по команде сверху обязана была признать меня абсолютно здоровым. Чтобы на деле доказать обратное, мне требовалось предстать перед докторами если не бездыханным, то по крайней мере замученным до полусмерти службой в органах.

Друзья познакомили меня с военным врачом, как оказалось, опытным имитатором критических болезненных состояний. Он подробно расспросил меня о самочувствии. Я пожаловался на перепады давления, на вегетососудистую дистонию. У сотрудников комитета старше тридцати лет это считалось профессиональным заболеванием. Проблемы с давлением у меня появились после сложной командировки с Леонидом Ильичом Брежневым на юг, в Ливадию, – там я полтора месяца проработал ночным дежурным. В девять вечера заступал на дежурство и до девяти утра бодрствовал. Днем отоспаться никак не получалось: офицеры бегают по казарме, топают, словно дикие животные, играют в волейбол на улице... А через ночь – новое дежурство.

После Ливадии я почувствовал изменения в организме. На диспансеризации обнаружили гипертонию. К тридцати восьми годам вместо повышенной пенсии я заработал повышенное давление.

Военный врач прописал мне солутан. Обычно это лекарство помогает при простуде, но, если его принимать по три раза в день в увеличенных дозах, можно добиться рекордно высокого давления.

С энтузиазмом школьного прогульщика я начал пить этот «бальзам». Три раза в день отсчитывал по шестьдесят капель и ждал, подействуют ли они на мой организм. В день медкомиссии я выпил целую рюмку, а закусил пачкой кофеина.

До сих пор не понимаю, как я в таком критическом состоянии добрался до кабинета, где проходило обследование. Голову мою распирало, уши горели, и мне казалось, будто все косточки насквозь пропитаны этим зельем.

Вошел я, держась за стенку. Вопросы врачей доходили до меня с минутным опозданием. Отвечал невпопад и уже жалел, что из-за тридцати двух рублей в месяц навлек на себя такие жуткие муки.

Один из докторов попросил меня присесть пару раз. Я изобразил приседание. Люди в белых халатах вдруг единодушно закивали головами и вынесли приговор: майор Коржаков страшно, может быть, даже неизлечимо болен. Звонки «сверху» не смогли изменить их заключение. И меня уволили по болезни, назначив законную пенсию в 232 рубля. Это была маленькая победа. Скромное утирание носа председателю КГБ СССР Крючкову и тогдашнему начальнику 9-го управления Плеханову.

Мешок Монте-Кристо

Ельцин смирился с опалой, я – с увольнением из органов. Жизнь, как ни странно, продолжалась и даже стала намного интереснее прежней. Все ждали: изберут бунтаря в депутаты или все-таки удастся помешать выборам?

...Прошло недели две после первой поездки Бориса Николаевича в Америку. К тому времени я работал в кооперативе «Пластик-Центр».

Около полуночи у меня в квартире зазвонил телефон. Трубку взяла жена, я принимал душ. Ирина боялась ночных звонков и всегда сердилась, если кто-то так поздно беспокоил, – дети спали. У нас вдобавок был телефонный аппарат с пронзительным звонком. Мне его подарили коллеги на день рождения – правительственный телефон с гербом на диске, надежный, но без регулировки звукового сигнала.

Жена прибежала в ванную комнату:

– Таня Дьяченко звонит, говорит, что Борис Николаевич пропал. Уехал после встречи с общественностью в Раменках, и нет его нигде до сих пор. Должен был появиться на даче в Успенском, но не появился. Они туда уже много раз звонили...

Из ванны совету ю жене:

– Пусть Татьяна позвонит на милицейский пост около дачных ворот в Успенском и спросит, проезжал ли отец через пост.

Если бы Ельцин проехал мимо милиционеров, они бы наверняка запомнили. Но в глубине души я на это не рассчитывал. Недоброе предчувствие сменилось нешуточным беспокойством. Из ванной комнаты я вышел с твердой решимостью срочно куда-то ехать искать Ельцина. Но куда?

Таня тем временем переговорила с милицейским постом и опять позвонила, сообщив убитым голосом:

– Папу сбросили с моста... У Николиной Горы, прямо в реку. Он сейчас на этом посту лежит в ужасном состоянии. Надо что-то делать, а у нас ничего нет. Сейчас Леша (в ту пору Татьянин муж) поедет в гараж за машиной.

Мы с Ириной от рассказа про мост и Бориса Николаевича, пребывающего ночью в милицейской будке в ужасном состоянии, на мгновение оцепенели. Смотрели друг на друга и думали: Горбачев попытался окончательно разделаться с опасным конкурентом, а, может, заодно и с нами. Стало жутко. Я коротко сказал:

– Ируха, собери теплые вещи, положи в сумку мои афганские носки и свитер.

Был конец сентября. В старой литровой бутылке из-под вермута я хранил самогон. Когда Лигачев боролся против пьянства, Ирина научилась гнать самогон отменного качества. Я тоже принимал участие в запрещенном процессе – собирал зверобой в лесу, выращивал тархун на огороде в деревне, а потом мы настаивали самодельное спиртное на этих целебных травах.

Вместо закуски я бросил несколько яблок в сумку и сломя голову побежал к машине. Гнал на своей «Ниве» за 120 километров в час. Прежде и не подозревал, что моя машина способна развивать такую приличную скорость. Мотор, как потом выяснилось, я почти загнал. Но я бы пожертвовал сотней моторов, лишь бы спасти шефа.

Машин на шоссе ночью практически не было, но в одном месте меня остановил инспектор ГАИ. Я ему представился и говорю:

– Ельцина в реку бросили.

Он козырнул и с неподдельным сочувствием в голосе ответил:

– Давай, гони!

К Борису Николаевичу тогда относились с любовью и надеждой. Он был символом настоящей перестройки, а не болтовни, затеянной Горбачевым.

Примчался я к посту в Успенском и увидел жалкую картину: Борис Николаевич лежал на лавке в милицейской будке неподвижно, в одних мокрых белых трусах-плавках. Растерянные милиционеры накрыли его несвежим бушлатом, а рядом с лавкой поставили обогреватель. Но тело Ельцина было непривычно синим, будто его специально чернилами облили. Заметив меня, Борис Николаевич заплакал:

– Саша, посмотрите, что со мной сделали...

Я ему тут же налил стакан самогона. Приподнял голову и фактически влил содержимое в рот. Борис Николаевич так сильно замерз, что не почувствовал крепости напитка. Закусил яблоком и опять неподвижно застыл на лавке. Я сбросил бушлат, снял с него мокрые трусы и начал растирать тело шефа самогоном. Натер ноги и натянул толстые, из овечьей шерсти, носки. Затем энергично, до красноты растер грудь, спину и надел свитер.

Мокрый костюм Ельцина висел на гвозде. Я заметил на одежде следы крови и остатки какой-то травы. Пребывание костюма в воде сомнений не вызывало. Борис Николаевич изложил свою версию происшествия.

Служебная машина довезла его до перекрестка, и оттуда он шел на дачу пешком, мирно, в хорошем настроении – хотел зайти в гости к приятелям Башиловым. Вдруг рядом резко затормозили «жигули» красного цвета. Из машины выскочили четверо здоровяков. Они набросили мешок на голову Борису Николаевичу и, словно овцу, запихнули его в салон. Он приготовился к жестокой расправе – думал, что сейчас завезут в лес и убьют. Но похитители поступили проще – сбросили человека с моста в речку и уехали.

Мне в этом рассказе почти все показалось странным. Если бы Ельцина действительно хотели убить, то для надежности мероприятия перед броском обязательно стукнули бы по голове. И откуда люди из машины знали, что Борис Николаевич пойдет на дачу пешком? Его ведь всегда подвозили на машине до места.

Тогда я спросил:

– Мешок завязали?

– Да.

Оказывается, уже в воде Борис Николаевич попытался развязать мешок, когда почувствовал, что тонет.

Эта информация озадачила меня еще больше: странные здоровяки попались – мешок на голове завязать не могут.

Я спросил у сотрудников милиции:

– Вы видели хоть одну машину здесь?

– Очень давно проехала одна машина, но светлая. Мы точно запомнили.

Минут через пять после первого стакана я влил в шефа второй, а потом и третий. Щеки у Бориса Николаевича покраснелись, он повеселел. Сидит в носках, жует яблоки и шутит.

Проверил документы – они намочили, но оказались на месте – лежали в нагрудном кармане. Милиционеры выглядели тоже странно – они все время молчали и разглядывали нас с каким-то затравленным удивлением. Словно Ельцин не с моста упал, а с луны свалился.

Позднее подъехали Наина Иосифовна, Татьяна с Лешей на «Волге». Выходят из машины и уже заранее рыдают. Вслед за ними прибыла еще одна машина – милицейская: в компетентные органы поступила информация, что пьяный Ельцин заблудился в лесу. Наина Иосифовна бросилась к мужу:

– Боря, Боря, что с тобой?

У Бори слезы выступили, но он уже согрелся, пришел в чувство. Полупьяного, слегка шатающегося, мы довели его до авто.

На следующее утро ближайшие соратники и единомышленники собрались у Бориса Николаевича дома, на Тверской. Ельцин лежал в кровати, вокруг него сустились врачи. Они опасались воспаления легких, но все обошлось обычной простудой.

Вдруг один из присутствовавших, Владимир Анатольевич Михайлов, произнес:

– Теперь Борису Николаевичу необходима охрана.

Возникла долгая пауза, и все многозначительно посмотрели на меня.

Я отреагировал:

– Ребята, все прекрасно понимаю, но вы меня тоже поймите. Жена не работает. Две дочки. Я готов, конечно, все бросить и идти его охранять, но мне нужно на что-то жить. Найдите мне зарплату хотя бы рублей 300, плюс пенсия. Проживу.

Потом я много раз читал в газетах, в чужих мемуарах, будто работал у Ельцина в тот период бесплатно. На самом деле через знакомых отыскиали три кооператива, в которых я числился формально, но зарплату получал – по сто рублей в каждом. В одном кооперативе меня оформили инженером по безопасности, в другом – прорабом, в третьем – даже не помню кем.

Ежемесячно, как заправский рэкети́р, я объезжал эти фирмы, оставляя хозяевам на память свой автограф в ведомости.

До полета Ельцина с моста я, работая в кооперативе и возглавляя одну из охранных структур, получал около трех тысяч рублей в месяц. В десять раз больше! Причем фирма оплачивала сервисное обслуживание моей «Нивы». Но мне, честно говоря, работа в кооперативе давно обрыдла. Даже стыдно вспоминать, как я инструктировал своих подчиненных.

– Мужики, – обращался к ним. – Мы все работаем здесь без юридической базы, мы бесправны. Как мы можем защитить хозяина? С правовой точки зрения – только грудью. Стрельба, дубинки или кулаки чреваты последствиями. Поэтому я вас прошу: если кто-то где-то на нашего буржуа нападет или вдруг начнется выяснение отношений со стрельбой, немедленно ложитесь на землю, на дно машины. Жизнь каждого из вас – мне дороже...

На другой день я провел, пока шеф болел, собственное расследование. На этом митинге в Раменках я тоже был и обеспечивал вместе со своими сотрудниками из кооператива порядок на мероприятии, естественно безвозмездно. Шеф уехал со встречи в одиннадцатом часу вечера с цветами, слегка возбужденный, на служебной «Волге» с водителем Василием. Василий рассказал, что ЕБН неожиданно попросил отвезти его в Успенское, хотя там семьи не было. Когда они подъехали к повороту на Успенское, сотрудник ГАИ неожиданно переключил светофор на мигающий режим и покинул свою будку. Василий повернул налево. Шеф попросил его остановиться, чтобы последние 300 метров до ворот пройти пешком. Борис Николаевич взял цветы и пошел по дороге вверх, а водитель тут же развернулся и уехал в гараж. О дальнейшем он узнал только из газет.

Когда я подъехал днем к Успенскому, то действительно обнаружил недалеко от ворот брошенные, увядшие цветы, похожие на те, которые были у Бориса Николаевича. Подъехал к мосту на Николину Гору, вышел, осмотрел мост: следов борьбы не обнаружил. Поразило другое: глубина реки в этом месте – не более метра. То есть утонуть здесь можно было только нарочно. А шеф рассказывал, что воды было с головой и он, пока развязывал мешок, прыжками добирался до берега, выныривая, чтобы вздохнуть... Вот такая, понимаешь, загогулина вышла!

Среди мартовских льдин

В марте 1990 года Борис Николаевич уже был народным депутатом СССР от Москвы и работал председателем Комитета Верховного Совета СССР по строительству и архитектуре. Я же в его аппарате совмещал кучу должностей: и охранителя тела, и советника, и помощника, и водителя, и «кормилицы».

Кремль неизменно демонстрировал свою недоброжелательность к Ельцину. Хватало критиков и злопыхателей и среди депутатов.

Девятнадцатого марта 1990 года в Верховном Совете опять произошел какой-то неприятный разговор. Шеф мне говорит:

– Хорошо бы куда-нибудь съездить, прокатиться немного, может, погулять...

В то время мы подыскивали ему место для строительства собственной дачи. Один участок показали рядом с Николиной Горой, неподалеку от коттеджа эксчемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова. Я предложил поехать туда.

Прибыли, полюбовались на голый участок земли. От него до Москвы-реки рукой было подать, метров двести пятьдесят максимум. Земля еще не подсохла, пешком по грязи к берегу не подойти. Мы подъехали на «Ниве» вплотную к воде. Ельцин в задумчивости стал бродить вдоль берега. Я находился неподалеку и прекрасно понимал, что ему сейчас хочется поплавать, стряхнуть нервное напряжение, накопившееся за зиму.

Мы еще немножко погуляли, перекусили бутербродами и уехали. Я уже знал, что завтра он непременно скажет:

– Поехали, Александр Васильевич, опять туда, на речку.

На следующий день, на всякий случай, я взял с собой того же сорта самогонки, какой растирал его после «полета» с моста. В магазинах за водкой по-прежнему стояли жуткие очереди, и я радовался, что лично для себя решил проблему борьбы с пьянством и алкоголизмом. Спиртное налил в фирменную фляжку, которую мне подарил в свое время финский президент Мауно Койвисто в знак добрых отношений. Полотенца тоже положил в сумку и еще прихватил комплект теплой одежды. Все оставил в машине.

На водные процедуры я рассчитывал после обеда, но Борис Николаевич часа полтора на работе посидел и вызывает меня:

– Александр Васильевич, поедem туда, где вчера были.

Мы поехали. Мартовское солнце уже заметно прогревало машину. В воздухе пахло дымом и весной. Около десяти утра подъехали к реке. Утренний ветерок приятно освежал, но и охлаждал. Трава вдоль берега уже подсохла. Подъехали к месту, которое облюбовали накануне. Я включил печку в машине, чтобы салон не остыл. Шеф, конечно, не предполагал, что я приготовился к купанию и только ждал его «неожиданно дерзкого» предложения.

Мы прошли по прошлогодней травке, поглядели на мутную вешнюю воду. По реке плыли льдины и обычный весенний мусор. Вдруг Борис Николаевич начинает раздеваться. Я обязан был изобразить удивление:

– Ну что вы, такая студеная вода, в ней же невозможно находиться.

– Нет, я должен снять стресс, встряхнуть себя, – «убил» меня шеф.

Я быстренько побежал к машине за полотенцами. Сам разделся, сложил одежду на капоте. Возвращаюсь обратно, а Борис Николаевич уже в воду входит. Голышом, стесняться некого. Моржом я никогда не был и впервые в жизни вошел в настоящую ледяную воду. Мне показалось, что ноги ошпарило крутым кипятком. С перехваченным от остроты ощущений дыханием я поплыл. Кипяток стал еще «круче». Если бы у меня потом слезла кожа, я бы не удивился.

Плывем, льдины руками разгоняем. А течение сильное, сносит нас от берега. Шеф же ничего не замечает – «снимает стресс».

Тут я занервничал:

– Борис Николаевич, плывем назад.

Он смеется.

Пришлось схитрить:

– Вам волноваться, наверное, уже нечего, а мне еще, может, детей рожать.

Он сделал обиженное лицо, но повернул и из воды вышел.

На самом деле я не за себя переживал. Ельцин ведь перенес операцию на ухе, и врачи категорически запретили ему переохлаждение.

Правое ухо он простудил в Свердловске, в сильный мороз. Доктор осмотрел ухо и прописал серьезное лечение: компрессы, тепло, покой... Но Борис Николаевич на следующий день отправился в Нижний Тагил на совещание.

Страшная боль началась уже в обоих ушах. Он скрипел зубами, но участвовал во встречах с трудящимися на улице, при лютom морозе. Дело закончилось сильным отитом. Пришлось сделать операцию на правом ухе. Операция была сложнейшей – после нее Борис Николаевич правым ухом слышать почти перестал. Поэтому переводчик во время переговоров с иностранцами всегда сидел слева от Ельцина.

С Илюшиным тоже приключилась аналогичная история. Он тоже только одним ухом слышит. Так что глухота – не такой уж судьбоносный изъян для российского политика.

...Выскочил я из воды, встал на сухую травку. Растерлись полотенцами и стали красными как раки. Я побежал к машине и позвал Бориса Николаевича:

– Давайте сюда, в машине тепло.

Достал фляжечку, и мы с наслаждением ее опорожнили. Я, правда, выпил поменьше – за рулем ведь, а Борис Николаевич позволил себе остальное. Выпил и говорит:

– Вот теперь я – человек, могу приступить к работе.

Мы не простудились, но больше на это место не приезжали... Никогда.

Путч

Про эти три августовских дня 91-го года написаны, наверное, уже тонны мемуаров, и нет смысла повторяться. Остановлюсь лишь на фактах, которые пока еще известны не всем.

Восемнадцатого августа 1991 года Ельцин находился в Казахстане. Нурсултан Назарбаев, президент этой тогда еще республики СССР, принимал его с невиданным прежде гостеприимством и почестями: все-таки это уже был Президент России.

Посетив все официальные мероприятия, положенные по протоколу, мы отправились за город. Там, в живописном месте, Нурсултан Абишевич пригласил горную, чистую речушку для купания. Речка оказалась мелкой, с каменистым дном и быстрым течением.

Принимающая сторона специально для Бориса Николаевича перестроила небольшой отрезок русла. Местные умельцы соорудили запруду: перегородили течение и прорыли входной и выходной каналы. Запруду изнутри выложили гладкими камнями – образовалось своеобразное природное джакузи.

На берегу поставили юрты. Для каждой категории лиц был предусмотрен и определенный уровень комфорта в юрте.

Сначала звучала казахская национальная музыка, потом принесли баян, и все стали петь русские песни. В перерывах Борис Николаевич с наслаждением плескался в обустроенной речушке.

Я тоже поплавал в этой «ванне». Вода была прохладной, градусов тринадцать, и поразительно чистой. Приятно было в нее окунуться. Тем более что солнце палило во всю мощь. Я опасался за самочувствие Президента России – резкий перепад температур мог обернуться для него простудой. «Разгоряченный» шеф без промедления погружался в прохладную воду, ложился на спину и смотрел в безоблачное небо. Я уговаривал его двигаться и подолгу не блаженствовать в этом природном вытрезвителе.

Назарбаев и его свита вслух восхищались закалкой Бориса Николаевича. Их одобрителные замечания воодушевляли его на более длительные возлежания в горной реке.

После концерта и обильной еды шеф почувствовал себя разморенным – пришлось на несколько часов отложить вылет самолета из Казахстана в Россию. Уже потом «компетентные источники» докладывали Ельцину, будто из Москвы поступила команда сбить наш самолет. И чтобы спастись, нужно было подняться в воздух с опозданием. Во все это верилось с трудом, но никто до сих пор так и не знает, была ли эта задержка устроена специально или нет. Мне же показалось, что вылет задержали из-за приятного, затянувшегося отдыха.

Ельцину нравилось общаться с Назарбаевым. Они подружились еще во время встреч в Ново-Огареве. На этих горбачевских посиделках практически никто, кроме президентов союзных республик, не присутствовал. Я находился за стеклянной дверью и, когда шло шумное обсуждение федеративного договора – документ готовили к подписанию как раз в 20-х числах августа, – был одним из немногих свидетелей этой, в сущности, свары. Едва ли не каждый пункт договора вызывал споры. И очень часто Назарбаев с Ельциным придерживались единой точки зрения, несмотря на раздражение Горбачева.

После таких встреч Михаил Сергеевич непременно накрывал стол, иногда приглашал всех, а чаще – кого-то одного: либо Ельцина, либо Назарбаева, либо обоих. Именно с той, огаревской поры отношения Бориса Николаевича и Нурсултана Абишевича переросли из официальных в дружеские.

Кстати, там, в Алма-Ате, в краеведческом музее произошел забавный случай. Местные девушки пели народные песни и играли на домбрах. Назарбаев тоже взял в руки домбру и показал, что прекрасно играет и поет. Борис Николаевич решил аккомпанировать коллеге ложками. Рядом с ним в этот момент оказался начальник хозяйственного управления Прези-

дента РФ товарищ Ю.Г. Загайнов. Он всегда стремился вплотную подойти к Борису Николаевичу, а уж перед телекамерой считал себя просто обязанным обозначить свою близость.

Места в музее располагались как в амфитеатре – под уклоном. Шеф уселся на более высокую ступеньку вместе с главой Казахстана. Возвышение устлало коврами. А начальник хозяйственного управления оказался на пару ступеней ниже. И когда Борис Николаевич заиграл на ложках, ему очень понравилось постукивать по пышной седой шевелюре ретивого хозяйственника. Сначала Ельцин ударял по своей ноге, как и положено, а затем с треском лупил по голове подчиненного. Тот обижаться не смел и строил вымученную улыбку. Зрители готовы были лопнуть от душившего их смеха. А шеф, вдохновленный реакцией зала, все сильнее и ритмичнее охаживал Юрия Георгиевича...

Если у Ельцина возникало желание поиграть на ложках, то оно было непреодолимым. Загайнову еще повезло – в Казахстане нашлись деревянные, а не металлические ложки. Творческая находка запомнилась Борису Николаевичу: потом он всегда стучал ложками по соседским головам. Пару раз ударил металлической ложкой даже по президентской. Не повезло Акаеву...

После Казахстана я всегда наблюдал такую картину: как только Ельцин собирался поиграть на ложках, сопровождающие, не желая исполнять почетную роль президентского ксилофона, тихонечко отсаживались подальше или вежливо просили разрешения выйти.

...Восемнадцатого августа наш самолет вернулся в Москву в час ночи, опоздав на четыре часа. Тогда мы жили на дачах в правительственном поселке Архангельское. Борис Николаевич – в кирпичном коттедже, я – неподалеку от него, в деревянном. Приехали и легли спать. Ничто не предвещало грядущих событий.

Девятнадцатого, рано утром, меня разбудил телефон. Звонил дежурный из приемной Белого дома:

– Александр Васильевич, включайте телевизор, в стране произошел государственный переворот.

Часы показывали начало седьмого. Я включил телевизор и сначала увидел фрагмент балета «Лебединое озеро», а затем узнал о появлении ГКЧП. Быстро оделся, жену попросил собрать походные вещи – сразу понял, что одним днем это событие не обойдется. Мои дочки и супруга очень волновались. Я им сказал:

– Не беспокойтесь, я вам пришлю охрану. Позднее к ним прислал двоих бойцов.

К Ельцину с известием о ГКЧП я пришел первым. Все в доме спали и ни о чем не ведали. К восьми утра подошли Полторанин, Бурбулис, «обозначился» Собчак... Я позвонил в службу, приказал по тревоге поднять всех ребят и, кого только можно, отправить на машинах в Архангельское. Остальным велел не покидать Белый дом.

В начале девятого Борис Николаевич при мне позвонил Грачеву – в тот момент Павел Сергеевич занимал пост командующего воздушно-десантными войсками.

А за несколько месяцев до этого мы побывали в 106-й воздушно-десантной дивизии в Туле, там шеф уединялся с Грачевым и, что интересно, с глазу на глаз они обговаривали, как лучше себя вести именно в подобной ситуации. Реального ГКЧП, конечно, никто не допускал, но профилактические разговоры велись на всякий случай.

Ельцин был первым руководителем высокого ранга, который разговаривал с Грачевым столь нежно и доверительно. Поэтому Павел Сергеевич еще задолго до путча проникся почти «сыновьим» уважением к Борису Николаевичу. После августа до меня доходили слухи, и не только, о двойной и даже тройной игре, которую вел Грачев. Но слухи эти никто не смог подтвердить документами.

У меня же главная забота была одна – обеспечить безопасность Президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть

какие-то меры предосторожности. А на даче в Архангельском об обороне даже думать было смешно.

Наши разведчики уже выезжали в город и доложили: танки повсюду, и на Калужском шоссе тоже – именно оно связывало госдачу с городом. Конечно, я понимал: если на нас нападет спецподразделение или армейская часть, мы долго не продержимся, сможем лишь до последнего патрона отстреливаться из наших пистолетов да нескольких автоматов.

Я немного успокоился, когда в Архангельское прибыла персональная «Чайка» Президента России. После короткого совещания решили ехать открыто – с российским флагом. Мы впервые в жизни сели втроем на заднее сиденье – Борис Николаевич посередине, а по бокам – телохранители: я и Мамакин. Шеф отказался надеть бронежилет, поэтому мы сверху обложили его жилетами, не считая своих нехилых телес. Валентин сидел с левой стороны, за водителем, а я – справа.

Наш кортеж с любопытством разглядывали танкисты – несколько машин ехали впереди «Чайки», несколько сзади. Российский флаг гордо развевался на ветру.

Заранее договорились, что поедем на большой скорости. Самый опасный участок пути – от ворот Архангельского до выезда на шоссе. Это километра три. Вдоль дороги – густой, высокий лес. За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники Группы «А». Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП – арестовать Ельцина. На случай сопротивления с нашей стороны Президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно. Но «Альфа» ничего не сделала – спецназовцы молча наблюдали за пронесшимся кортежем.

Один из бывших «альфистов», Сергей Гончаров, рассказывал мне, что только один человек – генерал-майор Карпухин, начальник спецгруппы, – по радиации требовал остановить машины. Карпухин, кстати, это отрицал. И я ему больше верю. После путча его пригласил к себе советником по безопасности Назарбаев. Мне посчастливилось уже после отставки познакомиться и подружиться с этим мужественным, много пережившим человеком, Героем Советского Союза. Мы вместе охотились, рыбачили. Я с удовольствием пригласил его работать в Комитет по безопасности предпринимательской деятельности Торгово-промышленной палаты, возглавить который меня позвал Евгений Максимович Примаков. Не так давно Виктор Федорович Карпухин умер. Еще молодой, тренированный, закаленный боец. Увы, сердце закалке не подлежит. Оно незащищено перед клеветой, предательством, несправедливостью.

Девятнадцатого августа после нашего отъезда, около одиннадцати часов, к воротам Архангельского подкатил автобус, в котором сидели люди в камуфляжной форме. Мои ребята стали выяснять, кто такие. Старший представился подполковником ВДВ. Действительно, во время утреннего разговора с Грачевым Борис Николаевич попросил его прислать помощь, хотя бы для охраны дачного поселка. Павел Сергеевич пообещал направить роту из своего личного резерва. Поскольку разговор прослушивали, то под видом «охраны от Грачева» подослали этот автобус. Мой сотрудник, Саша Кулеш, дежуривший у ворот, узнал подполковника: тот иногда преподавал на курсах КГБ и служил в Группе «А». Представился он обычным десантником, показал новенькое удостоверение офицера, выписанное, наверное, всего час назад.

Саша схитрил.

– Подождите, – говорит, – надо все выяснить.

И позвонил мне в Белый дом. А я с утра, когда вызывал своих ребят на машинах, заказал на всякий случай в столовой Архангельского обед человек на пятьдесят. Вспомнив об этом, предложил:

– Мы сегодня уже не вернемся, а обед заказан. Сделай так: отведи этих «десантников» в столовую, накорми досыта, чтобы они съели по две-три порции. Мужики ведь здоровые. Сытый человек – добрый, он воевать не будет.

В столовой их действительно закармливали. Ребята ели с аппетитом – оказывается, с ночи голодные. После обеда они просидели в автобусе несколько часов с печальными сонными физиономиями, а потом уехали. Мои же сделали вид, будто поверили в их легенду. Приходилось играть друг перед другом.

Пока «альфисты» набивали желудки, мы думали: как эвакуировать семью Президента? И куда? Помощь предложил Виктор Григорьевич Кузнецов, ветеран 9-го управления КГБ. Его родственники жили на даче, а в Кунцеве, у метро «Молодежная», пустовала двухкомнатная квартира. Конечно, тесновато для внуков, дочерей и супруги Президента, но о комфорте в эти минуты никто не думал. Подогнали «рафик» со шторками к дачному крыльцу и туда посадили всех членов семьи Бориса Николаевича. Вещи взяли только самые необходимые. У ворот их остановили люди в камуфляжной форме. Один из них заглянул в салон, обвел взглядом женщин, детей и спокойно пропустил машину. Микроавтобус скрытно сопровождали машины нашей службы, чтобы либо отсечь слежку, либо защищать семью в случае нападения. Покрутившись по Москве, все благополучно доехали до дома в Кунцеве. Только сутки пробыли они на квартире Виктора Григорьевича Кузнецова. По телефону старались говорить кратко, в Белый дом звонили из телефонной будки.

На другой день женщины запросились домой, на Тверскую. Убеждали нас:

– Будь что будет, но мы хотим домой.

Их перевезли и оставили под присмотром усиленной охраны. Пост стоял и у дверей квартиры, и внизу около подъезда, под окнами. Охрана готова была расстаться с жизнью, если бы вдруг пришли арестовывать семью.

А мы 19-го благополучно добрались до Белого дома и спокойно в него зашли. Вокруг стояли только танки, пехоты не было. Боевые машины заняли позиции за Калининским мостом. Кстати, именно эта бригада танкистов перешла на сторону защитников Белого дома и отказалась стрелять. Хотя я лично видел, что у них, в стоящих неподалеку грузовиках, лежали боевые снаряды. Видимо, Белый дом планировали сначала обстрелять, а потом взять штурмом.

С танкистами и их командирами я разговаривал. С одним подполковником у меня состоялась слишком уж обстоятельная беседа. Он плевался на Горбачева, поливал путчистов и считал, что военных, выгнанных на городские улицы, подло подставляют. Я спросил его:

– Ребята, а для чего же вы приехали?

– Нам приказали.

– А стрелять будете?

– Да пошли они куда подальше. Не будем стрелять.

Сразу же после нашего приезда в Белый дом был создан Штаб обороны. Его возглавил полковник А.В. Руцкой, заместителем был назначен генерал армии К.И. Кобец. В штаб вошли и другие военные. От нашей, тогда молодой, службы – Геннадий Иванович Захаров. Странная вещь – судьба. Сначала Захаров участвовал в обороне Белого дома, а потом, в 1993 году, предложил план, как этот дом захватить.

Вечером к Белому дому подъехали десантники на боевых машинах. Но еще до того как машины приблизились, мне передали, что Коржакова разыскивает на баррикадах генерал-майор Лебедь. Наверное, я был единственным человеком, которого он знал лично по учениям в Тульской дивизии.

Александра Ивановича я обнаружил без труда: вокруг него собралась небольшая толпа, и он разъяснял людям обстановку. Ему, как военному, задавали многократно один и тот же вопрос: зачем приехали десантники? Лебедю трудно было полемизировать с эмоциональными защитниками Белого дома. Заметив меня, он облегченно вздохнул:

– Ну вот, Александр Васильевич пришел...

Меня тогда на баррикадах знали в лицо и сразу поняли: раз я вышел за Лебедем, значит, поведу его к Президенту. Александр Иванович объяснил, что послан Павлом Грачевым. Пока обстановка неясная, еще не решено, будет штурм или нет, но Грачев прислал десантников по просьбе Президента. Их подразделения расположились в районе метро «Аэропорт», а Лебедь подъехал на рекогносцировку местности.

Он просил меня об одном – устроить ему личную встречу с Борисом Николаевичем. Я провел его в свой кабинет и напоил чаем. Потом пошел к Ельцину и рассказал о Лебеде, который прибыл по приказу Грачева и просит о конфиденциальной беседе.

Посоветовавшись, решили устроить встречу в задней комнате кабинета Президента – это помещение было тщательно проверено: его не прослушивали.

Борис Николаевич позволил и мне присутствовать при разговоре. Проговорил с Александром Ивановичем минут двадцать. Генерал пояснил, что сейчас он намерен охранять Белый дом от беспорядков, от разграбления. Ему доложили, будто государственное имущество интенсивно растаскивают. Правда, он воочию убедился, что слухи эти не соответствуют действительности. Все подъезды здания – под охраной, внести ничего нельзя, не то чтобы вынести.

Ельцин разрешил Лебедею подвести к зданию роту десантников. Для этого защитники разгородили баррикады и впустили их за оцепление. Машины расставили по углам Белого дома, в них сидели только боевые экипажи. А всех свободных от службы солдат я разместил в спортзале – он находился в двухэтажном здании неподалеку от Белого дома, рядом с горбатым мостиком. Потом, после путча, возникла другая версия: дескать, эта рота была «тро-янским конем». Ее специально подпустили поближе, чтобы легче стало штурмовать баррикады. Но я и сейчас не думаю, чтобы Лебедь в той ситуации мог вынашивать иезуитские планы.

Всю первую осадную ночь я занимался солдатами. Организовывал питание, познакомился с младшими командирами, разъяснял обстановку в Москве и в стране. Из спортзала много раз поднимался к шефу.

Пошел дождь, пиджак на мне промок, и я не заметил, как простудился. К утру поднялась температура, но все мое лечение сводилось к тому, что я трогал рукой лоб и констатировал: сильный жар.

Защитники Белого дома постоянно подозревали друг друга в измене – одна группа людей считала, что другую непременно кто-то подослал. Ситуация действительно оставалась сложной. Но я доверял Лебедею, верил его слову офицера и видел, в каком настроении пребывают солдаты вместе с младшими офицерами. В их поведении не чувствовалось ни угрозы, ни скрытого коварства. Мы договорились, что они вливаются в оборону дома и поддерживают общественный порядок. Десантники, кстати, и не стремились во что бы то ни стало проникнуть в Белый дом. Наоборот, они образовали лишь внешнее кольцо защиты. Лебедь, как профессионал, положительно оценил организацию обороны и дал нашим военным несколько практических советов.

Каждую ночь Ельцин проводил на разных этажах – от третьего до пятого. С 19-го на 20-е Борис Николаевич спал в кабинете врача – туда поставили кровать, окна кабинета выходили во внутренний двор, поэтому в случае перестрелки не стоило опасаться случайной пули или осколка. В ведомстве Крюкова прекрасно знали схему расположения всех помещений и могли предположить, что Ельцин будет спать в задней комнате своего президентского кабинета.

Когда темнело, в здании гасили свет, а там, где без ламп было нельзя, соблюдали светомаскировку. Коридоры Белого дома перегородили мебелью. Шкафы, столы, кресла валялись перевернутыми – если начнут штурмовать, рассуждали мы, то не так уж легко будет бежать в темноте, ноги можно переломать. А нам будет проще отбиваться. На пятом, прези-

дентском, этаже около каждой двери выстроили целую систему баррикад – мы их называли «полосой препятствий».

Незадолго до путча только что образованная Служба безопасности Президента наладила хорошие отношения с Министерством обороны. Не на самом высшем уровне, а пониже. Г.И. Захаров, мой боевой зам, как-то съездил к Игорю Николаевичу Родионову (после выборов 96-го его назначили министром обороны России) и попросил помочь с обучением личного состава: пострелять из разных видов оружия, в том числе из гранатометов, из огнеметов «Шмель». Это страшное оружие! Родионов, возглавлявший тогда Академию Генерального штаба, рискуя должностью, не отказал нам и создал все условия для тренировки навыков, для ведения настоящего боя, а не паркетного.

...Про простуду я почти забыл, только кашлял и потел. Регулярно выходил проверять посты вокруг Белого дома. Где-то перекусывал, с кем-то пил чай. То к Руцкому заглядывал, то с ребятами из своей службы сидел. Отвечал по телефону, в Штаб обороны наведывался. Прилечь хотя бы на пару минут не удалось.

В те дни Геннадий Бурбулис попросил себе охрану, и я выделил ему двух человек. Но когда опасное время миновало, отнять бодигардов уже было невозможно. Только после увольнения Бурбулиса с поста госсекретаря сняли охрану. Но Гена нанял частную и не расстается с телохранителями, наверно, и по сей день.

У Бурбулиса функционировал идеологический штаб – туда приходила интеллигенция: артисты, писатели, журналисты. С Хасбулатовым я тоже общался по разным вопросам – он меня принимал, спасибо ему, без очереди, сразу откладывал любые дела. И никто даже представить не мог, что пройдет всего-то два года, и мне придется арестовывать многих в этом же Белом доме. Мы все сдружились как-то быстро и отчасти случайно. Зато разошлись по объективным причинам.

Много раз я выходил за оцепление и беседовал с танкистами, десанниками, офицерами. По настрою военных понял: никто из них не собирался штурмовать Белый дом. Гэкачеписты могли рассчитывать только на спецгруппу «А».

У защитников же Белого дома, наоборот, настроение было решительным, но не злобным. Многие из них пели у костров, выпивали, чтобы согреться, закусывали. Около баррикад дымили полевые кухни. Кооператоры организовали буфеты. Злата – жена народного артиста России Геннадия Хазанова – работала тогда в гостинице «Мир». У нее была своя маленькая коммерческая фирма, и она одной из первых стала кормить защитников Белого дома, естественно, бесплатно.

Подвал Белого дома я осмотрел в первую ночь. Это помещение имело свой номер – сотый. У меня по сей день хранится ключ от входной двери «Объекта № 100», и никто этот ключ у меня еще не попросил.

Помещение состояло из двух отсеков. Один отсек был оборудован как объект гражданской обороны: там лежали противогазы на стеллажах и находился запас питьевой воды. На этих же своеобразных нарах можно было и поспать. При строительстве первого отсека явно не рассчитывали, что в подвале будут коротать время высокопоставленные охраняемые лица. А когда сообразили, что подвал может и для них пригодиться, оборудовали У1Р-отсек: с претензиями на скупой походный дизайн и задраивающимися огромными воротами. Они закрывались автоматически, а потом их еще закрепляли штурвалом. Получался настоящий бункер. Туда нормально поступал воздух – я убедился, что все системы принудительной вентиляции работали исправно.

Во втором отсеке мне понравилось – высокие потолки, просторные помещения, туалеты, отдельно – кабинет для Президента.

После осмотра я отдал распоряжение, чтобы «Объект № 100» готовили для длительной «отсидки». Туда завезли продукты и воду. Затем проверил все выходы – они, к сожалению,

оказались не самыми удачными. Один выводил к парку им. Павлика Морозова, на открытую местность рядом с Белым домом. По другому можно было попасть к парадному подъезду нашего же здания. Третий путь оказался просто тупиковым – он выводил внутрь Белого дома. Логика строителей подвалов уникальна: главное – побыстрее заполнить людьми бомбоубежище, а уж выбираться из него совсем необязательно. Четвертый выход оказался таким же бесперспективным, как и предыдущие три. Он начинался из второго отсека. Приоткрыв металлическую решетку, можно было увидеть бесконечную, уходящую круто вниз винтовую лестницу. Я не поленился и спустился по ней.

Ступеньки не считал, но лестница показалось длинной, будто я шел с пятнадцатого этажа. Наконец уперся в «потайную» дверь, почти как в сказке про Буратино, только вот ключик был у меня отнюдь не золотой. Дверь открылась, и я попал в туннель между станциями метро «Краснопресненская» и «Киевская». Стало ясно: если бы нас захотели выкурить из подвала, нагрянули бы отсюда.

Поэтому мы заминировали лестницу посередине. И в случае штурма взорвали бы ее.

...На второй день Лебедь опять пришел ко мне и сообщил о полученном приказе увести свое подразделение к месту дислокации части. Приказ он должен выполнить в два часа дня. Я спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.